

Санкт-Петербургский государственный университет

Озолина Валентина Александровна

Выпускная квалификационная работа

**Русско-японская интерференция при реализации
акцентно-ритмической структуры слова**

Уровень образования: магистратура

Направление 45.04.02 «Лингвистика»

Основная образовательная программа ВМ.5715. «Общая и прикладная
фонетика (General and Applied Phonetics)»
Профиль «Речевые технологии»

Научный руководитель:

доцент, Кафедра фонетики и методики
преподавания иностранных языков,
Тананайко Светлана Олеговна

Рецензент:

старший преподаватель,
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Санкт-Петербургский политехнический
университет Петра Великого»,
Агафонова Марина Павловна

Санкт-Петербург
2022

Оглавление

Оглавление	2
Введение	3
Глава 1. Интерференция звуковых систем	5
1.1 Понятие интерференции	5
1.2 Интерференция на уровне ударения	6
Глава 2. Ударение в русском и японском языках	9
2.1 Понятие ударения	9
2.2 Ударение в русском языке	13
2.3 Ударение в японском языке	16
2.3.1 Лингвистическая характеристика японского языка и его фонемный состав	16
2.3.2 Мора и ее статус в японском языке	17
2.3.3. Музыкальное ударение в японском языке	20
2.4 Сопоставление систем ударения в русском и японском языках	26
Глава 3. Эксперимент	28
3.1 Дикторы	28
3.2 Материал	30
3.2 Методика исследования	32
3.4 Результаты	35
3.4.1 Музыкальное ударение в речи носителей русского языка	35
3.4.1.1 Одноморные слова	38
3.4.1.2 Двуморные слова	41
3.4.1.3 Трехморные слова	44
3.4.1.4 Четырехморные слова	48
3.4.2 Редукция гласных	50
Выводы	53
Заключение	54
Список литературы	55
Приложение 1	64
Приложение 2	65

Введение

Объектом исследования является русско-японская просодическая интерференция в сфере ударения. В ходе сопоставления двух языков с типологически разными системами ударения выявляются общие черты и особенности каждой системы.

Предметом исследования является реализация музыкального ударения, свойственного японскому языку, в речи носителей русского языка, владеющих японским языком в разной степени.

Целью работы является изучить реализацию акцентно-ритмической структуры слов на японском языке носителями русского языка на материале чтения. Предполагается, что на реализацию акцентно-ритмической структуры слова повлияет тип ударения в родном языке и наличие опыта проживания в стране изучаемого языка. Цель работы и выдвинутая гипотеза определили следующие **задачи** исследования:

1. изучить правила реализации ударения в русском литературном языке;
2. изучить правила реализации ударения в японском литературном языке;
3. сопоставить правила ударения в исследуемой паре языков и определить возможные аспекты проявления интерференции на уровне реализации акцентно-ритмической структуры слова;
4. составить список слов-стимулов для исследования реализации акцентно-ритмической структуры слов разной длины и подобрать к ним предложения для учета интонационной составляющей предложения;
5. выявить нарушения реализации акцентно-ритмической структуры слов;
6. описать основные типы нарушений реализации акцентно-ритмической структуры слов;
7. дать лингвистическую интерпретацию выявленных нарушений в речи русскоязычных дикторов на японском языке.

Научная новизна работы состоит в том, что, несмотря на обширные научные исследования в сфере ударения в отечественной, западной и японской литературе, достаточно мало исследований по интерференции в сфере ударения, так как большая часть дидактических материалов сконцентрирована на сегментном уровне фонетики японского языка и часто игнорирует ее просодическую составляющую.

Актуальность выбранной темы обусловлена недостаточным количеством дидактических материалов, используемых для преподавания музыкального ударения в японском языке носителям русского языка, а также отсутствием полноценного вводного фонетического курса для студентов, изучающих японский язык, во многих учебных заведениях.

Практическая **значимость** работы заключается в том, что результаты, полученные в ходе данного исследования, могут быть использованы для разработки и обновления упражнений для обучения музыкальному ударению в рамках общего курса японского языка.

Глава 1. Интерференция звуковых систем

1.1 Понятие интерференции

Согласно широко принятому определению Виноградова (Виноградов, 1990), интерференция – это «взаимодействие языковых систем в условиях двуязычия, складывающегося либо при языковых контактах, либо при индивидуальном освоении неродного языка; выражается в отклонениях от нормы и системы второго языка под влиянием родного».

Термин интерференции получил широкое распространение после выхода в свет монографии У. Вайнрайха «Языковые контакты» [Вайнрайх, 1972], где интерференция определялась как «...случай отклонения от норм любого из языков, которые происходят в речи двуязычных в результате того, что они знают больше языков, чем один, т.е. вследствие языкового контакта» [Вайнрайх, 1972, с. 22]. Подобные отклонения от нормы обычно называют отрицательной интерференцией, так как такое взаимодействие языков обычно приводит к ошибкам в языке и речи. Однако интерференция может носить и положительный характер [Любимова, 1985], что широко используется при преподавании иностранного языка [Arabski, 2006; Беляевская, 2013].

Интерференция в речи и языке обычно проявляется как иностранный акцент в речи человека, который владеет одновременно двумя (или более) языками. Интерференция может затрагивать все уровни языка, но особенно ее влияние заметно на фонетическом уровне, что часто называется «акцентом» в узком понимании данного термина. Фонетические ошибки, проявляющиеся в акценте говорящего, можно прогнозировать исходя из фонетических инвентарей взаимодействующих языков. Такие ошибки нередко выстраиваются в определенную систему, что отличает акцент от других языковых и речевых ошибок, например, речевых сбоев [Кибрик, Подлеская, 2009, с. 177].

Фонетическая интерференция может так же проявляться на разных уровнях фонетической системы языка. Так, собственно фонетическая интерференция проявляется на сегментном уровне, тогда как интерференция на уровне супraseгментных уровней называется просодической.

1.2 Интерференция на уровне ударения

Просодическая интерференция изучается гораздо меньше фонетической интерференции на сегментном уровне, но существуют исследования, в которых изучается степень интерференции при реализации акцентно-ритмической структуры в языках разного фонетического строя, однако точки зрения исследователей разнятся. Так, одни исследователи [Панова, 2016; Дарьюш, 2014, Goto, 2020; Hirano-Cook, 2011; Nguyen, 2020] экспериментально доказывают, что в языках с разным типом ударения система родного языка информанта может оказывать влияние на порождение речи на другом языке в разных аспектах и приводить к разным типам ошибок.

Панова (2016) наглядно показывает, что носители русского языка при использовании сербского – языка с фонологической долготой и с музыкальным ударением, как и исследуемый нами японский язык (см. ниже «2.3 Ударение в японском языке) – правильно реализуют место ударения, но испытывают большие сложности с реализацией направления тона и признака длительности в ударном слоге. Реализация некоторых типов ударения (сочетание направление тона и долготы гласного) обусловлена и ограничена позицией слова во фразе, в некоторых случаях это приводит к сглаживанию различий между разными типами ударения, что подтверждает перцептивный эксперимент.

Также и в [Дарьюш, 2014] наблюдается сильное влияние акцентно-ритмической системы персидского языка, а именно его произносительных моделей. В результате просодической интерференции носители персидского

языка в речи на русском языке ошибочно реализуют предпоследний слог слова как ударный.

Результаты исследования вьетнамско-английской интерференции [Ingram, 2005] иллюстрируют, что носители вьетнамского языка, который является тоновым, способны реализовать необходимый подъем мелодики на ударном слоге в английском языке, однако реализация длительности ударного слога как еще одного аспекта ударения английского языка представляет для них большую сложность и достигается на более продвинутом уровне знания языка. Данный факт позволяет дополнить гипотезу об интерференции русского и японского языков предположением о том, что чем выше уровень владения языком, тем правильнее будет реализована акцентно-ритмическая структура слова.

Некоторые исследования, связанные непосредственно с японским языком [Goto, 2020; Hirano-Cook, 2011; Nguyen, 2020], иллюстрируют, что носители языков с разными типами ударения – музыкальное ударение в шведском [Goto, 2020], качественное ударение в английском [Hirano-Cook, 2011], тоновый характер вьетнамского [Nguyen, 2020] – испытывают схожие сложности с музыкальным ударением в японском языке как в восприятии, так и при порождении. Среди ошибок можно отметить неправильную реализацию тонов на границе синтагм, ошибки в выборе места ударения и тенденция к постановке ударения на последний слог у носителей шведского языка [Goto, 2020], неправильную реализацию тяжелых (слогов с фонологической долготой) слогов, недостаточное падение мелодики на заударных слогах [Nguyen, 2020]. Однако навыки информантов в сфере реализации ударения могут быть улучшены с помощью визуальных и аудио-материалов [Hirano-Cook, 2011].

В то же время меньшая часть исследователей экспериментально опровергает данную точку зрения и утверждают, что как и ранние билингвы [Zembrzuski и

др., 2020], так и поздние [Caspers, Kerinska, 2011] не переносят систему ударения родного языка во второй родной или изучаемый язык.

Исследование с двуязычными детьми в возрасте 4-7 показали, что в речи детей наблюдается фонетическая интерференция английского и польского языков на сегментном уровне, однако дети правильно воспроизводят акцентно-ритмические структуры слов соответствующих языков [Zembrzuski et al., 2020]. Данный факт подтверждает теорию о том, что сегментный и супрасегментный аспекты языка обрабатываются в различных частях головного мозга.

Информанты с разными родными языками также не производят перенос акцентно-ритмической структуры слова из родного языка в изучаемый нидерландский язык, что, тем не менее, не защищает их от совершения ошибок в реализации места ударения [Caspers, Kerinska, 2011]. Авторы объясняют данные ошибки излишним обобщением правил (overgeneralisation) постановки ударения в нидерландском языке и уточняют, что информанты не получали эксплицитных инструкций по поводу ударения в изучаемом языке и усвоили его неосознанно.

Глава 2. Ударение в русском и японском языках

2.1 Понятие ударения

В последовательности однородных единиц в речи некоторая единица будет обязательно выделена с помощью просодических средств, и такое выделение называется **ударением** [Князев, Пожарицкая, 2011]. Ударение реализуется на супraseгментном фонологическом уровне и бывает разным в зависимости от сегментной единицы, с которой оно функционально соотносится. Различают ударение:

- *словесное*, когда выделяется один из слогов в слове;
- *синтагматическое* или *фразовое*, когда выделяется одно слово в синтагме или фразе, обычно последнее;
- *логическое*, когда подчеркивается смысл одного из слов в синтагме или фразе.

Ударение имеет следующие функции [по Князев, Пожарицкая, 2011]:

- *кульминативная* – выделение вершины слова (его ядра) для обеспечения его цельности и в то же время его отделимости в речевом потоке;
- *сигнификативная (смыслоразличительная)* – различение минимальных пар (слов с одинаковым сегментным составом), например, мУка – мука, (a) record ‘запись’ – (to) record ‘записывать’;
- *делимитативная (разграничительная)* – выделение границ слова, часто используется в языках с фиксированным ударением на определенный слог, например, на первый (чешский язык). Однако данная функция может быть свойственна и языку со свободным ударением: так, в русском языке ударение задает схему редукции гласных в слове (формула Потebни) и в спорном случае позволяет правильно сегментировать речевой поток.

Отрезок речевой цепи, объединяемый одним словесным ударением, называется фонетическим словом, и границы фонетических слов нередко не

совпадают с границами лексем. Так, знаменательные слова обычно имеют ударение и объединяются в одно фонетическое слово с соседствующими безударными словами – **клитиками**. В зависимости от того, с какой стороны клитики примыкают к ударному слову, различают проклитики, которые примыкают к нему слева (предлоги в русском языке, частица *to* в английском языке), и энклитики, которые примыкают к нему справа (частицы *бы* и *же* в русском языке, послелогои в японском и других языках с левым ветвлением). Бывают случаи, когда клитики перетягивают на себя ударение с соседних знаменательных слов, например, *пó воду*. Такие клитики называются энклиноменами.

Основным физическим носителем ударения принято считать слог, несмотря на многообразие теорий слога и слогоделения (теория открытого слога [Бондарко, 1977], экспираторная теория [Stetson, 1948], динамическая или теория мускульного напряжения [Щерба, 1953], сонорная теория [Аванесов, 1954; Jespersen, 1909], теория громкости Н. И. Жинкина). Все части ударного слога противопоставляются соответствующим безударным, но особенно ярко заметны различия между вершинами слогов, в большинстве случаев их роль выполняют гласные или слогообразующие согласные, например, в чешском языке [Scheer, 2009]. Однако в некоторых случаях ударение может реализовываться не на слоге, а на более короткой ритмической единице – *море* (см. дальше 2.3.2 «Мора и ее статус в японском языке»).

Среди физических коррелятов ударения можно выделить:

- *длительность* ударного слога, в частности, ударного гласного;
- *интенсивность*, возрастающая с увеличением мускульного напряжения и, соответственно, дыхательного усилия;
- *повышение* или *понижение* (т.е. любое изменение) частоты основного тона;
- *тембр* (спектр) гласного, а именно качественные изменения гласных звуков в безударных позициях.

В зависимости от того, какой из вышеуказанных физических коррелятов ударения или же их сочетание используются в конкретном языке, различают следующие типы ударения:

- *квантитативное/количественное*, когда ударный гласный выделяется за счет сокращения длительности безударных гласных
- *динамическое/эксираторное*, когда один из слогов в фонетическом слове выделяется с помощью интенсивности;
- *музыкальное/тоническое*, когда выделение одного из слогов производится с помощью изменения частоты основного тона;
- *качественное*, когда безударные гласные подлежат редукции и отличаются своим тембром (спектром) от ударных гласных.

По своим структурным типа ударения принято разделять на свободное и связанное ударение. Так, свободное ударение может падать на любой слог слова (например, русский язык), тогда как связанное ударение падает на определенный слог (1-й в чешском, 2-й слог с конца в польском и т.п.).

В свою очередь связанное ударение делится на фиксированное, которое всегда падает на один и тот же слог (чешский и польский языки), и ограниченное, при котором выделение ударного слога определяется другими факторами, например, весом слога. Так, например, в арабском языке ударений падает на последний тяжелый (не краткий) слог слова, если же таковой отсутствует, ударение падает на первый слог.

Если рассматривать систему ударения в языке в сочетании морфологией данного языка, то по отношению к морфологической структуре слова можно выделить неподвижное и подвижное ударение. При неподвижном ударении место его реализации не изменяется при словоизменении, тогда как при подвижном ударении, как и следует из названия, ударение способно перемещаться на разные морфемы (например, с корня на аффиксы) в разных формах одной лексемы. Так, например, часто происходит в русском языке, см. ниже «Ударение в русском языке».

Иногда фонетические и структурные типы ударения могут изменяться с течением времени, т.е. в диахроническом аспекте. Такая ситуация произошла и в русском языке, изначально имевшем музыкальное ударение, которое позже превратилось в качественно-количественное.

2.2 Ударение в русском языке

В прошлом ударение в русском языке описывалось как количественно-динамическое либо даже как чисто динамическое, то есть для выделения ударного слога используются такие физические корреляты ударения, как удлинение ударного гласного относительно безударных гласных и интенсивность: ударный слог длиннее и интенсивнее безударных.

Однако более современные экспериментальные исследования доказали, что в современном русском литературном языке интенсивность почти не участвует в формировании ударения. Ее распределение в слове связано с правилами фразового, более крупного, уровня и подчиняется принципу деклинации, при котором интенсивность максимальна в начале синтагмы и постепенно уменьшается к ее концу. Таким образом, в границах одного фонетического слово интенсивность способна надежно отличать заударные гласные как наименее интенсивные от всех остальных гласных звуков.

Таким образом, основными коррелятами ударения в русском языке являются длительность и спектральные (тембральные) характеристики гласных. В литературе сих пор обсуждается, какой из признаков является доминирующим, и специальные исследования восприятия ударных и безударных гласных показали, что в специально подготовленных стимулах, в которых гласные были одинаковыми по длине, но разными по качеству, участники правильно определяли место ударного гласного [Бондарко, 1977]. Таким образом, было экспериментально доказано, что редуцированность гласного является достаточным признаком для определения ударного гласного в слове. Однако оба этих признака – длительность и степени редукции – используются для выделения слога в речевой цепочке.

Редукция безударных в русском языке весьма значительна и зависит от местоположения слога относительно ударения: чем дальше слог удален от ударения, тем большей редукции он подлежит. Обычно принципы редукции

гласных в разных языках мира достаточно однотипны и заключаются в менее четком противопоставлении гласных по их дифференциальным признакам (огубленности, ряду, подъему) и сближением артикуляторно и акустически. Такие закономерности связаны с относительной краткостью безударных гласных и невозможностью выполнить артикуляторную программу данного звука [Бондарко, Вербицкая, Гордина, 2004]: язык и губы не успевают встать в необходимую позицию, вследствие чего гласные заднего ряда выдвигаются вперед, а заднего ряда – отодвигаются назад, артикуляция губ не так отчетлива и напряжена. Можно сказать, что безударные гласные приближаются к середине треугольника гласных [Щерба, 1983] и сближаются с гласными среднего/смешанного ряда.

Акцентно-ритмическая структура слова в русском языке была описана еще в XIX в. русским лингвистом А. А. Потембней и получила название в его честь. «Формула Потембни» наглядно показывает степени выделенности ударного слога в числовой форме: 112311. В ней приняты следующие обозначения:

- 3 – максимальная степень выделенности, маркирует ударный слог;
- 2 – средняя степень выделенности, маркирует 1-й предударный слог;
- 1 – малая степень выделенности, маркирует остальные безударные (пред- и заударные) слоги.

При этом необходимо заметить, что многочисленные экспериментальные исследования уже внесли коррективы в данную формулу. Так, гласный в абсолютном начале или конце слова имеет первую степень редукции (2 по формуле Потембни): *капот* [кл'pɒt], *ананас* [лпл'nas], *карта* ['kartɫ], *выдумка* ['vydumkɫ]. Остальные гласные внутри фонетического слова имеют вторую степень редукции: *водоколонка* [vʊdʊkɫ'lonkɫ] (во втором и других предударных слогах), *пилим* ['p'ilʲm], *дышим* ['dʲyʃ ʲɪm], *пашут* ['pəʃʲut] (по [Бондарко, Вербицкая, Гордина, 2004]).

Также необходимо заметить, что в русском языке единицей, на которой реализуется ударение (акцентоносителем), является слог, т.е. минимальная произносительная единица. Сторонники теории открытого слога (Бондарко, 1977) считают, что слог является нечленимой единицей речи, которую нельзя поделить на более мелкие сегменты, и что в слоге реализуется артикуляционное единство согласного и гласного, например, в слове *тут* в процессе ассимиляции первый согласный звук [t] приобретает признак огубленности от соседствующего огубленного гласного [u], чего не происходит в случае со вторым согласным [t]. Таким образом, русский язык стремится к тому, чтобы все слоги были открытыми (заканчивались на гласный и имели структуру CV), что подтверждается инструментальными исследованиями коартикуляции [Бондарко, Вербицкая, Гордина, 2004; Бондарко, 1967, 1969; Бондарко, Павлова, 1967 по [Касевич, 1983]], речевых расстройств, при которых речь больных состоит из последовательности открытых слогов [Лепская, 1968; Blumstein, 1973 по [Касевич, 1983]] и искусственного заикания [Чистович, Бондарко, 1963; Касевич, 1977 по [Касевич, 1983]].

2.3 Ударение в японском языке

2.3.1 Лингвистическая характеристика японского языка и его фонемный состав

Японский язык является основным языком японцев и фактически государственным языком Японии. На японском языке говорит более 130 миллионов человек на территории Японии и в других странах, в частности, Гавайях, Бразилии, Корее, Китае и др.

По грамматическому строю японский язык является агглютинативным (каждая морфема имеет отдельное значение) с левым ветвлением и порядком слов SOV.

Фонетический инвентарь японского языка довольно прост, но число выделяемых фонем значительно отличается в зависимости от подхода и взглядов того или иного автора на определение долготы гласных как дифференциального признака, трактовки геминированных (удвоенных) согласных, палатализации и т.д. [Рыбин, 2012]. Так, в современном японском языке выделяется от 18 [Киндайти, 1978] до 57-58 [Старостин, 2000 по [Рыбин, 2012]] фонем.

В общем случае выделяется 5 основных гласных фонем – /a/, /i/, /u/, /e/, /o/, однако некоторые авторы выделяют фонологическую долготу в японском языке, что увеличивает фонемный инвентарь гласных вдвое [Kubozono, 2015; Сыромятников, 1978] (см. подробнее обзор в [Рыбин, 2012, с. 124–131]). Также остается спорным вопрос о включении дифтонгов в фонемный инвентарь гласных. В учебной литературе и в некоторых исследованиях по фонетике японского языка в отечественной литературе часто встречается данный термин при описании бифонемных сочетаний гласных типа /ai, oi, ui, au, ou/ [Нечаева, 2004, с. 4; Стругова, Шефтелевич, 2000, с. 6; Сыромятников, 1952, с. 341-354 по [Рыбин, 2012]]. Однако при ближайшем рассмотрении данные

сочетания гласных оказываются ложными дифтонгами (термин из [Зиндер, 1979, с. 213]) и должны трактоваться как две разные фонемы.

Фонемный инвентарь согласных в японском языке, традиционно выделяемый японскими исследователями, тоже невелик: 14 фонем [Kubozono, 2015], 16 фонем [Shibatani, 1990]. Однако в отечественной литературе число выделяемых согласных фонем значительно больше ввиду выделения палатализации в качестве дифференциального признака: 33 [Алпатов, Вардуль, Старостин, 2000 по [Алпатов, Аркадьев, Подлесская, 2008]], 34 [Рыбин, 2012] и т.п.

2.3.2 Мора и ее статус в японском языке

С точки зрения фонотактики, японский язык относится к слоговым языкам, если быть более точным, «несобственно слоговым» [Касевич, 1983]. Так, в японском языке возможно существование неслоговых морфем. С помощью методов морфемного анализа представляется возможным вычленить корневые и аффиксальные морфемы, которые состоят из одного согласного: *s-* из *suri* ‘делать’, *k-* из *kuru* ‘приходить’ [Квантитативная типология..., 1982], *-s-* – вариант суффикса каузатива, *-r-* – вариант суффикса пассива [Холодович, 1979 по [Касевич, 1983]]. Другим признаком, по которому японский признается несобственно слоговым языком, является невозможность ресиллабации: противопоставление 簡易 *kan-i* ‘простой’ и 蟹 *ka-ni* ‘краб’, 親愛 *shin-ai* ‘любовь’ и 市内 *shi-nai* ‘внутригородской’ (по [Касевич, 1983]).

Однако основной ритмической единицей в японском языке является **мора**, традиционно выделяемая в фонологии таких языков, как древнегреческий, латынь, санскрит и др. Мора равна открытому слогу (структура CV) с краткой гласной и компонентам слогов с более сложным составом, если они проявляют функциональное сходство с кратким слогом: могут иметь собственное

ударение, учитываются при определении места ударения, стихотворных размеров и т.п. [Касевич, 1990].

Вопрос о статусе моры и ее функциях в японском языке широко обсуждается в японской [Shibatani, 1990; Kubozono, 1985, 1989, 1999a, 2015, 2017; Ohno, 2000; Otake и др., 1993], западной [McCawley, 1968; Smith, 1980; Beckman, 1982; Port и др., 1987; Warner, Такаюки, 2001] и отечественной литературе [Рыбин, 1985, 1986, 2006, 2009; Касевич, Шабельникова, Рыбин, 1990; Алпатов, Вардуль, Старостин, 2000; Алпатов, Аркадьев, Подлесская, 2008] и др. Выбор моры в качестве основной ритмической просодической единицы объясняется языковой игрой, палиндромами, естественным и искусственным заиканием и оговорками японцев.

Существует немало языковых игр, в которых используется понятие моры. Такой, например, является игра 尻取り *shiritori* ‘схватывание хвостов, сиритори’, которая очень похожа на игру «в города» или «в слова». В игре сиритори игроки по очереди называют существительные, которые оканчиваются на гласный, и назвавший слово, заканчивающееся на слоговой N (единственный согласный, который возможен в конце слога в японском языке), проигрывает. Основное правило игры заключается в том, что следующее слово должно начинаться с той же моры, какой заканчивалось предыдущее слово («хвост»). Примером такой игры может служить цепочка слов 柿 *kaki* ‘хурма’ → 着物 *kimono* ‘кимоно’ → 能力 *nōryoku* ‘способность, умение’ → 果物 *kudamono* ‘фрукт’ и т.п.

В другой популярной игре «Бабибу» игроки говорят на «языке баби» (バビ語 *babigo* досл. ‘язык «баби»’), в котором после каждой моры изначального слова вставляется мора типа [bV], то есть подбирается мора с тем же гласным, но из согласного ряда «ба», либо, при отсутствии гласного (слоговой N, первая часть удвоенного согласного), используется гласный [u] [Tsuji-mura, 1996 по

[Алпатов, Аркадьев, Подлесская, 2008]]: こんにちは *ko-n-ni-chi-wa*
'здравствуйте' → こほんぶにびちびはば *ko-bo-n-bu-ni-bi-chi-bi-wa-ba*.

Еще одним свидетельством существования моры в японском языке являются палиндромы – такой текст (слово или целая фраза), который может быть прочитан одинаково с начала до конца и наоборот. Если в русском языке классическим примером палиндрома являются, например, слово *шалаш* или фраза *А роза упала на лапу Азора*, то палиндромы японского языка основаны на «переворачивании» мор, которые можно записать с помощью каны (японского слогового алфавита): 新聞紙 *shinbunshi* 'газетная бумага' делится на такие моры, как *shi-n-bu-n-shi*, которые можно одинаково прочитать как слева направо, так и справа налево. Если бы произносительной единицей в японском языке был слог, то слово *shin-bun-shi* читалось бы справа налево как **shi-bun-shin*.

Мора также используется в качестве основной ритмической единицы в поэзии. Так, классическое пятистишие *танка* 'короткая песня' имеет схему 5-7-5-7-7, где числа обозначают количество мор в каждой строке. Пример Борониной [Боронина, 1978 по [Рыбин, 2012]] показывает, что во второй строке 誰にか見せむ *tarenika misen* 'Кому я покажу' одного пятистишия должно быть 7 мор: *ta-re-ni-ka-mi-se-n*, что свидетельствует о морном статусе слогового (морного) N.

Эксперименты по искусственному заиканию, в которых участник эксперимента слышит в наушниках собственную речь с задержкой времени [Касевич, Шабельникова, Рыбин, 1990, с. 77–85], показали, что первая часть удвоенных (геминированных) согласных и слоговой (морный) N способны отходить как к предыдущему слогу, так и к последующему, и сами образовывать самостоятельный, но несколько неполноценный слог. Это

свидетельствует о морном статусе данных звуков. Что касается естественного заикания, то наблюдения показали, что существуют несколько моделей заикания, но самая частотная из них (92,6%) заключается в повторе моры [Kubozono, 2005 по [Рыбин, 2012]].

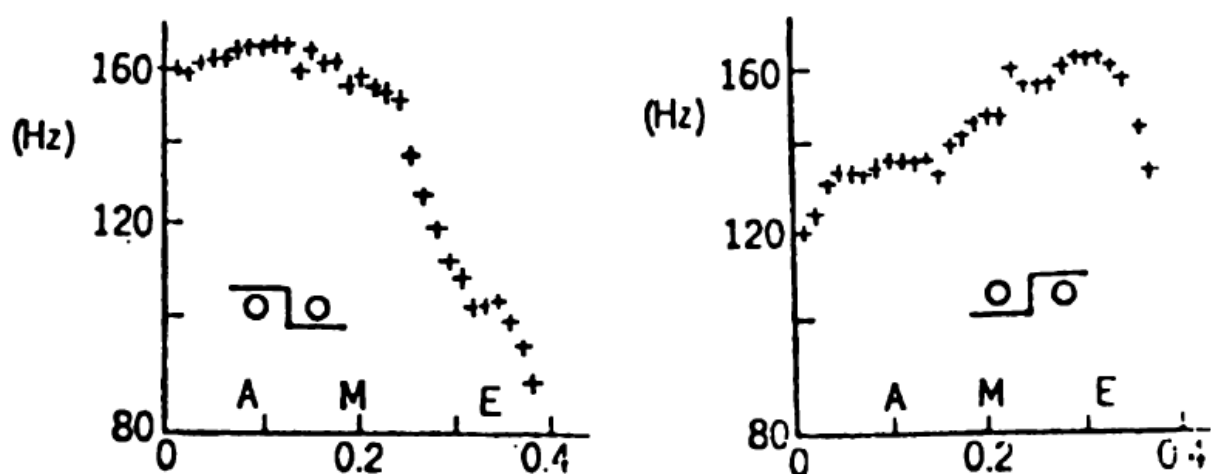
Схожие результаты по статусу моры в японском языке показывают и наблюдения за естественным оговорками японцев [Kubozono, 1989, 2005]: ア

ラブ人 a-ra-bu-ji-n ‘араб’ → *a-ra-ji-bu-n, パーセント pa-a-se-n-to ‘процент’ → *pa-n-se-n-to. То же наблюдается и в детской речи: 父さん to-o-sa-n ‘отец’ → *to-o-ta-n, 学校 ga-k-ko-o ‘школа’ → *da-t-to-o.

2.3.3. Музыкальное ударение в японском языке

Ударение в японском языке реализуется на слове (словесное ударение) и носит мелодический (музыкальный) характер: на каждой море в слове реализуется один из двух тонов, представленных в фонологической системе японского языка – высокий или низкий, при этом ударной считается последняя высокая мора в слове, за которой следует падение тона [Алпатов, Аркадьев, Подлесская, 2008]. Если же падения тона не наблюдается, т.е. все моры за исключением первой (в литературном японском языке, основанном на Токийском диалекте) имеют высокий ровный тон, то слово считается безударным. Такое ударение, реализующееся через изменение частоты основного тона, называется *музыкальным*, первым в отечественной лингвистике этот термин относительно к японскому языку применил Поливанов [Поливанов, 1928, с. 69].

Рисунок 1 (из [Рыбин, 2012, с. 174])

На Рисунке 1 приведены примеры двух омографов 雨 *a-me* ‘дождь’ (HL) и 飴 *a-me* ‘конфета, тянучка’ (LH), которые различаются только своей акцентно-ритмической структурой. Здесь явно видны падение частоты основного тона после первой ударной моры в слове «дождь» и подъем в слове «конфета».

Существуют также трехчастные системы описания японского языка, где постулируются 3 уровня тона – высокий, средний и низкий, в этом случае безударные слова (без падения тона внутри слова) описываются как состоящие из первой низкой моры и последующих мор среднего тона [Алпатов, Вардуть, Старостин, 2000], а не высокой, как в двухчастных системах описания акцентно-ритмической структуры слова в японском языке.

Ударение в японском языке также является *свободным*, т.е. невозможно предположить место его падения, и может падать на любую из мор в слове, например (полужирным начертанием выделены высокие моры в слове):

- на 1-ю мору: 命が **i**-no-chi-ga ‘жизнь’;
- на 2-ю мору: 心が ko-**ko**-ro-ga ‘сердце’;
- на 3-ю мору: 男が o-**to**-**ko**-ga ‘мужчина’;

- на 4-ю мору: 鼠が³ ne-**zu-mi-ga** ‘мышь’.

Здесь необходимо сделать несколько замечаний по поводу систем нотации ударения и числа акцентно-ритмических контуров, которые могут реализовываться на слове.

Существуют разные системы обозначения ударной моры в слове в учебной и научной литературе:

- высокий тон выделяется прописными буквами в сочетании с полужирным начертанием [Черепкова, Глазова, 2019] либо с подчеркиванием текста [Рыбин, 2007, 2009], также может использоваться просто полужирное начертание или подчеркивание текста (обзор других систем в [Рыбин, 2007, 2009]);

- высокие и низкие тоны описываются различными диакритиками: hī ‘огонь’ для высокого тона и hī ‘день, солнце’ для низкой [Поливанов, 1915], kákì ‘устрица’ (выс.-низ.) – kàkì ‘ограда’ (низ.-выс.) – kaki ‘хурма’ (безуд.) [Алпатов, Аркадьев, Подлеская, 2008];

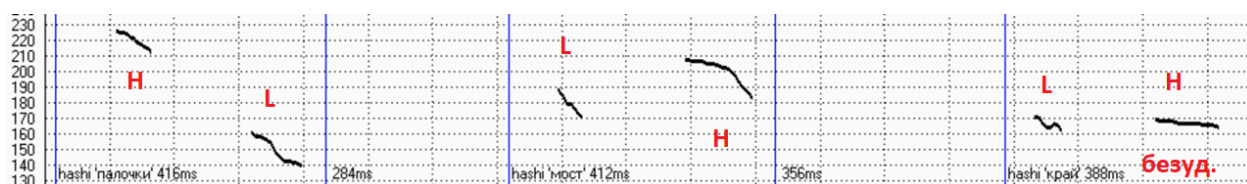
- в зарубежной литературе используются обозначения H для высокого тона и L для низкого тона [Tamaoka, 2014; Otake, 1993].

В настоящем исследовании для удобства обозначения и избежания путаницы будет использоваться двухступенчатая модель описания акцентно-ритмической структуры ЯЯ – низкий и высокий тон, тоны будут обозначаться заглавными латинскими буквами H и L. Таким образом, представленные выше примеры можно записать следующим образом:

命が ³ i-no-chi-ga ‘жизнь’;	HLLL
ko- ko -ro-ga ‘сердце’	LHLL
男が ³ o- to-ko -ga ‘мужчина’	LHNL
鼠が ³ ne- zu-mi-ga ‘мышь’	LNNH

Что касается числа моделей акцентуации, способных реализовываться на слове, то число таких моделей равно $N+1$, где N – число мор в слове. Так происходит из-за того, что слово может не иметь ударения, то есть в нем не наблюдается падение на какой-либо море. Так, слово, состоящее из 1-й моры, может иметь 2 модели акцентуации (с ударением – H – и без – L), из 2-х мор – 3 (ударение на 1-й море – HL, на 2-й – LH(L), без ударения – LH(H)) и т.д.

В этом проявляется смысловозначительная функция ударения в японском языке, так как существуют минимальные пары, имеющие одинаковый сегментный состав, но различную акцентно-ритмическую структуру. Классическим примером является тройственное противопоставление 箸 *hashi* ‘палочки (для еды)’ (HL) – 橋 *hashi* ‘мост’ (LH(L)) – 端 *hashi* ‘край’ (LH(H)), где в первом слове ударение падает на 1-ю мору, во втором – на вторую, а третье слово является безударным:

Однако следует заметить, что таких пар/троек слов не очень много в японском языке. Согласно статистическим подсчетам в [Sibata and Shibata, 1990], только 14% омографов (идентичных по своему сегментному составу, но имеющих различное ударение/не имеющие его) различаются своей акцентно-ритмической структурой слова в Токийском диалекте. Оставшиеся 86% таких омографов не различаются даже своим ударением, т.е. являются полными омофонами, например, 曇 *kumo* ‘облако’ – 蜘蛛 *kumo* ‘паук’ (HL), 紙 *kami* ‘бумага’ – 髮 *kami* ‘волосы’ (LH(L)), др. Согласно данному факту, можно утверждать, что смысловозначительная функция ударения не является основной в японском языке.

К тому же, принцип $N+1$ моделей акцентуации тоже требует дополнительного комментария. Во-первых, не все модели встречаются в японском языке с

одинаковой частотностью [Kubozono, 2015, с. 24]. Так, в случае с трехморным словом в теории возможны 4 модели акцентуации, но, как показывает исследование [Kubozono, 2006], они имеют следующее распределение в языке:

Модель акцентуации	3-я с конца (начальная) мора	2-я с конца (средняя) мора	1-я с конца (конечная) мора	Без ударения
Ее частотность	42%	4%	2%	52%

Можно заметить, что модели акцентуации, при которых ударение падает на первую (3-ю с конца) мору или же слово не имеет ударение вовсе, являются очень частотными и продуктивными, в то время как две другие модели используются редко.

Во-вторых, автор замечает, что с возрастанием длины слов разница между частотностью использования моделей акцентуации только растет и правило N+1 уже не работает для слов длиной более 5 мор. Например, в большинстве заимствованных слов (гайрайго) большой длины ударение падает на 3-ю мору с конца, если они не являются безударными. Те же правила применяются и к словам другого языкового пласта – исконно японского (ваго) и китайского происхождения (канго) [Kubozono, 2015; Рыбин, 2012]. Такие слова уже состоят из нескольких морфем и являются сложными словами, поэтому к ним применяются свои правила для построения общей акцентно-ритмической структуры сложного слова.

В отличие от русского языка с качественно-количественным ударением, система редукиции гласных в японском языке не связана с акцентно-ритмической структурой слова. В свою очередь редукиция в японском языке связана с консонантным окружением гласных звуков. Так, гласные фонемы /i/ и /u/ считаются «слабыми» фонемами [Kubozono, 2015]. Они являются самыми краткими в японском языке [Campbell, 1992] и ввиду их акустической краткости могут редуцироваться в определенных контекстах [Fujimoto, 2015].

Данные фонемы всегда оглушаются в окружении глухих согласных [Isomura, 2009 по [Рыбин, 2012]] и перед паузой, и данное оглушение не ведет к потере смысла [Kawakami, 1987; Shirota, 1993]: 北 /kita/ [kĭta] ‘север’, 薬 /kusuri/ [kĭsuri] ‘лекарство’. Некоторые авторы [Kawakami, 1987] также упоминают факультативную редукцию гласных фонем верхнего ряда, которая может проявляться и вне зависимости от правого контекста, т.е. влияние на аллофон оказывает только левый контекст: например, /u/ оглушается после /k/ в словах 首 /kubi/ ‘шея’ и 車 /kuruma/ ‘машина’ – [kĭbi] и [kĭruma] соответственно.

Кроме того, факультативно могут редуцироваться и другие фонемы японского языка в схожих контекстах: 刀 /katana/ ‘меч (самурая)’ → [kĭtana] [Kawakami, 1987], 案山子 /kakashi/ ‘пугало’ → [kĭkashi], 心 /kokoro/ ‘сердце’ → [kokorĭ], 折角 /sekkaku/ ‘с большим трудом’ → [sĕkkaku] [Shirota, 1993].

В данных примерах все редуцированные гласные фонемы находятся в окружении глухих согласных, что влечет к их потере своего вокалического характера.

2.4 Сопоставление систем ударения в русском и японском языках

Исходя из описанных выше характеристик ударения в русском и японском языках, можно составить следующую таблицу различий систем ударения в этих двух языках:

	Русский язык	Японский язык
акцентоноситель	слог	мора (ритмическая единица, равная открытому слогу с краткой гласной)
тип ударения	<u>количественное:</u> ударный слог длиннее безударного; <u>качественное:</u> наблюдается редукция всех безударных гласных разной степени в зависимости от расположения относительно ударного слога	<u>мелодическое/музыкальное:</u> противопоставляются два тона – высокий и низкий, ударная мора выше безударной по тону, также существуют слова без акцентоносителя (безударные)
тип редукции	зависит от расположения относительно ударного слога	<i>всегда:</i> оглушение /i/, /u/ между глухими согласными <i>факультативно:</i> оглушение /i/, /u/ после глухих, оглушение /a/, /o/, /e/ между глухими

В результате сопоставительного анализа двух систем реализации акцентно-ритмической структуры слова в исследуемых языках можно спрогнозировать следующие отклонения от реализации мелодического ударения в ЯЯ:

- неправильная реализация акцентно-ритмической структуры слова (недостаточное падение, неверное место постановки ударения);
- реализация ударения на слоге, а не на море, т.е., например, реализация двух высоких мор в случае долгого ударного гласного, когда в норме вторая мора такого гласного реализуется с низким тоном;
- количественная редукция безударных гласных относительно ударного;
- качественная редукция безударных гласных в соответствии с системой редукции гласных в русском языке.

Глава 3. Эксперимент

3.1 Дикторы

Всего в исследовании приняло участие 11 носителей русского языка (9 Ж и 2 М) и 2 носителя японского языка (1 Ж и 1 М). Впоследствии, на этапе обработки материала, одна из записей русскоязычных дикторов (m02) не была использована вследствие наличия больших участков глоттализации, что значительно усложняло процесс сегментации и определения акустических характеристик исследуемых слов.

Было проведено анкетирование русскоязычных дикторов об их опыте изучения японского языка в России и Японии и музыкального ударения в частности. Полный текст анкеты представлен в Приложении 1. Информация о дикторах кратко представлена в Таблице 1.

Таблица 1

№ диктора	Опыт изучения ЯЯ	Уровень ЯЯ (JLPT)	Опыт обучения/ проживания в Японии	Преподавание муз. ударения
f01	6 лет	N2 (2018)	2 года	да
m01	10 лет	N2 (2018)	3 года 2 месяца	да
f02	8 лет	N2 (2019)	3 года	нет
f03	7 лет	N2 (2019)	1 год 3 месяца	да
f04	4 года	N4 (2015)	нет	нет
m02	1,5 года	N4 (-)	нет	да
f05	4 года	N4 (2015)	1,5 месяца	нет
f06	12 лет	N3 (2021)	1 неделя	да
f07	4 года	N5 (2015)	нет	нет
f08	4 года	N4 (2015)	нет	нет
f09	10 лет	N2 (2018)	1 год 6 месяцев	нет

Анализ анкет показал, что большинство дикторов (кроме m01, f02, f03 и f06) начали свое изучение японского языка в университете, тогда как m01 и f02 начали изучать японский самостоятельно ввиду увлечения Японией, f03 изучала японский с репетитором-носителем японского языка, а f06 начала изучение японского языка в качестве иностранного языка в школе. Также дикторы, которые изучали японский язык меньше всего по времени (m02, f04, f07 и f08), никогда не ездили в страну изучаемого языка и не изучали японский язык вместе с носителем языка (за исключением m02). Одна неделя, проведенная диктором f06 в Японии, является слишком маленьким сроком для полного погружения в языковую среду, поэтому данный опыт проживания не учитывается. Все остальные дикторы проживали и обучались в Японии от 1,5 месяца до 3 лет 2 месяцев, что потенциально может оказывать влияние на степень интерференции при порождении речи на японском языке.

Как видно из данных анкетирования, почти все дикторы (за исключением f4) имеют представление о музыкальном характере ударения в японском языке, однако лишь 5 дикторов из 11 (m01, m02, f01, f03, f06) получали необходимые инструкции, выполняли соответствующие упражнения и получали обратную связь от преподавателя (обычно носителя японского языка).

Что касается носителей японского языка, то оба диктора родились и воспитывались географически близко к г. Токио (j01 – Комаэ, Токио; j02 – Фунабаси, префектура Тиба) и являются носителями литературного языка, основанного на диалекте г. Токио. Оба диктора также владеют английским языком, испанским (j01) и немецким (j02) языками и имеют опыт проживания и обучения в других странах.

3.2 Материал

Для выполнения поставленной цели исследования были отобраны слова на японском языке с различными акцентно-ритмическими структурами.

Всего было отобрано 40 слов-стимулов различной длины, которые были сгруппированы по 10 слов из 1, 2, 3 и 4 мор соответственно, данный набор стимулов был сбалансирован по возможным моделям акцентуации (N мор + 1). Ввиду того, что носители японского языка не всегда сами распознают на слух минимальные пары, различающиеся только своей акцентно-ритмической структурой, в изолированном произнесении [Рыбин, 1986 по [Рыбин, 2007]] и в предложении [Тамаока, 2014], было принято решение использовать не только минимальные пары, но и другие лексемы низко-среднего уровня (JLPT N5–N4) для проверки поставленной гипотезы и получения более подробной картины реализации ударения на данном материале. Уровень выбранных слов проверялся по онлайн-словарю Jishonari.

Были отобраны 2 минимальных пары по 1 море, 2 минимальных тройки по 2 моры, 2 минимальных пары по 3 моры и 0 минимальных пар по 4 моры, так как таковые отсутствуют в японском языке. Данные слова были дополнены словами-филлерами, акцентно-ритмическая структура которых также рассматривалась в исследовании, так как некоторые информанты догадывались о цели исследования ввиду наличия наиболее широко известных пар омографов, различающихся только ударением.

К каждому слову были подобраны по 3 (иногда 4) предложения, содержащие данное слово-стимул и другие слова-стимулы. Полная таблица с предложениями представлена в Приложении 2. Каждое предложение продублировано на латинице с использованием пересмотренной системы транскрибирования Хэпберна (revised Hepburn). Знаки препинания при такой записи не использовались, предложения разделялись символом «|».

Всего с использование учебников по японскому языку (Нечаева, 2004, Minna no nihongo, 2001) и корпуса японской речи Kotonoha было отобрано 122 предложения, которые были представлены дикторам в случайном порядке. Для всех иероглифов в предложениях было приведено фонетическое руководство по чтению (фуригана) во избежание ошибок при чтении, например:

はるが来ると、日^ひがだんだん長^{なが}くなってくる。

haru ga kuru to hi ga dandan nagaku natte kuru

‘С наступлением весны день становится длинее.’

Ввиду возникших в процессе записи сложностей с прочтением текста, диктору f07 был предложен укороченный список из 36 предложений. Несмотря на отсутствие некоторых слов-стимулов, была получена исчерпывающая картина реализации акцентно-ритмической структуры данного диктора.

Общая длина записанного для данного исследования материала составила 4 часа 12 минут 38 секунд, из которых для анализа было использован материал длиной в 3 часа 11 минут 25 секунд.

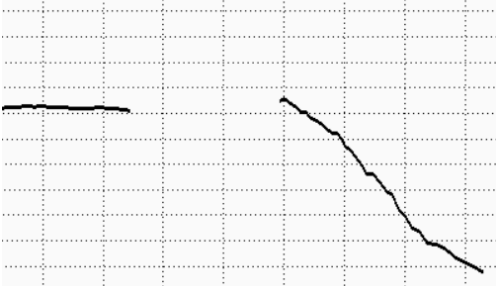
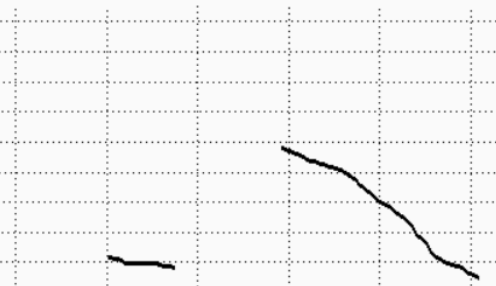
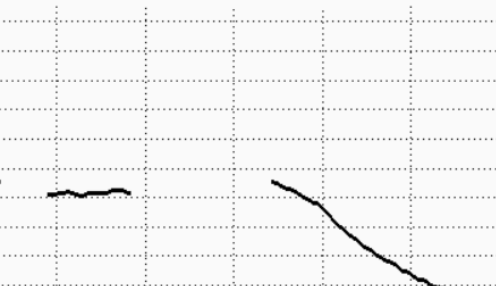
3.2 Методика исследования

Запись дикторов проводилась на кафедре фонетики и преподавания иностранных языков СПбГУ, а также дикторами дома на их собственные устройства записи в смартфонах ввиду проживания в других городах и странах. Дикторы, записывавшие себя самостоятельно, получили инструкции по записи в условиях, близких к студийным, на доступные им устройства в форматах без сжатия данных.

Для записи на устройствах с системой Android использовалось приложение AudioRec, в котором была возможность выбора записи в формат .wav с частотой 16кГц. Для записи на устройства с системой iOS использовался встроенный в устройство диктофон, с помощью которого дикторы записывали звуковой файл формата .m4a, который был переконвертирован в .wav с помощью программы Audacity.

Полученные данные были размечены в программе Wave Assistant с использованием автоматических средств разметки, в частности, использовались функции выделения частоты основного тона и разметки пауз. Частота основного тона автоматически выделялась на уровне G1. Выделенные с помощью автоматической разметки на уровне V1 синтагмы были вручную скорректированы, внутри каждой синтагмы было вставлено предложение в японской графике. Слова-стимулы вместе с послелогоми, входящими в одно фонетическое слово, были отмечены на уровне Y1, все метки частоты основного тона внутри слов-стимулов были вручную перепроверены. Необходимость размечать не лексические, а именно фонетические слова возникла ввиду того, что в теории различия между минимальными парами, различающимися только своей акцентно-ритмической структурой, наблюдаются только в неизолированном произнесении с послелогоми. Так происходит в случае с минимальной парой 橋 hashi 'мост' LH(L) и 端 hashi 'край' LH(H), где в изолированном произнесении слова представляют собой полные омофоны (LH) и различаются лишь при присоединении послелога –

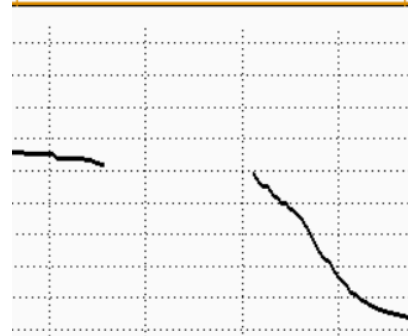
LHL и LHH соответственно. Однако на практике оказалось, что носители японского языка не всегда различают их в своей речи, произнося оба слова с контуром LH(L):

j01		
<p>036. この橋は壊れています。</p>	<p>橋 <i>hashi</i> ‘мост’ LH(L)</p>	<p><i>hashi wa</i></p> <p>*тон не опускается в начале слова из-за предшествующего указательного местоимения <i>kono</i>, таким образом образуя сложное слово</p>
<p>037. アンナさんは橋で箸を見つけました。</p>	<p>橋 <i>hashi</i> ‘мост’ LH(L)</p>	<p><i>hashi de</i></p>
<p>038. このつくえの<u>端</u>に物を置いてはいけない。</p>	<p>端 <i>hashi</i> ‘край’ LH(H)</p>	<p><i>hashi ni</i></p> <p>*тон не опускается на первой мере слова, т.к. слово <i>hashi</i> стоит после другого существительного, на словосочетании реализуется один акцентный контур</p>

039. 山の端にのぼ
る月は美しいでし
た。

端 *hashi* ‘край’
LH(H)

hashi ni

*тон не опускается на первой море слова, т.к. слово *hashi* стоит после другого существительного, на словосочетании реализуется один акцентный контур

3.4 Результаты

В записях 9 дикторов, используемых в данном исследовании, суммарно присутствовало 1973 слова-стимула в 1231 синтагме с различными интонационными контурами, включая синтагмы, перечитанные диктором самостоятельно или после просьбы экспериментатора. В конечном счете для чистоты эксперимента было принято решение не включать в анализ синтагмы, произнесенные с ошибками на сегментном уровне, которые не влияли на реализацию интонационного контура синтагмы.

3.4.1 Музыкальное ударение в речи носителей русского языка

Основным физическим коррелятом музыкального ударения в японском языке является частота основного тона. Рассмотрим акцентно-ритмические контуры слов и посчитаем процент правильной реализации акцентно-ритмических структур данных слов. В Таблице 2 представлены 40 слов-стимулов и процент их правильной реализации во всех контекстах.

Таблица 2

Слово	% правильной реализации
1 мора	
木 <i>ki</i> 'дерево' H(L)	77%
気 <i>ki</i> 'дух' L	47,22%
火 <i>hi</i> 'огонь' H(L)	86,2%
日 <i>hi</i> 'день, свет' L	14,28%
目 <i>me</i> 'глаз' H(L)	60,52%
絵 <i>e</i> 'картина' H(L)	71,42%
背 <i>se</i> 'спина, рост' H(L), L	93,1%
手 <i>te</i> 'рука' H(L)	82,5%
葉 <i>ha</i> 'лист' L	74,35%
毛 <i>ke</i> 'шерсть' L	21,21%

2 моры	
箸 <i>hashi</i> ‘палочки для еды’ HL	55,26%
橋 <i>hashi</i> ‘мост’ LH(L)	42,42%
端 <i>hashi</i> ‘край’ LH(H)	29,4%
神 <i>kami</i> ‘бог’ HL	79,62%
紙 <i>kami</i> ‘бумага’ LH(L)	10,87%
髮 <i>kami</i> ‘волосы’ LH(L)	97,93%
朝 <i>asa</i> ‘утро’ HL	85,71%
猫 <i>neko</i> ‘кошка’ HL	83,82%
鳥 <i>tori</i> ‘птица’ LH(H)	15,38%
風 <i>kaze</i> ‘ветер’ LH(H)	10,71%
3 моры	
二本 <i>nihon</i> ‘два (цилиндр. предмета)’ HLL	25,8%
日本 <i>nihon</i> ‘Япония’ LHL	46,8%
漢字 <i>kanji</i> ‘иероглиф’ LHH(H)	7,14%
感じ <i>kanji</i> ‘чувство’ LHH(H)	52,5%
緑 <i>midori</i> ‘зеленый, зелень’ HLL	27,57%
卵 <i>tamago</i> ‘яйцо’ LHL	23,3%
光 <i>hikari</i> ‘свет’ LHH(L)	10,71%
言葉 <i>kotoba</i> ‘слово’ LHH(L)	0%
頭 <i>atama</i> ‘голова’ LHH(L)	66,67%
りんご <i>ringo</i> ‘яблоко’ LHH(H)	23,3%
音楽 <i>ongaku</i> ‘музыка’ HLLL	38,23%
4 моры	
毎日 <i>mainichi</i> ‘каждый день’ HLLL	37,93%

果物 <i>kudamono</i> ‘фрукт’ LHLL	30%
靴下 <i>kutsushita</i> ‘носок’ LHLL	66,67%
先生 <i>sensei</i> ‘учитель’ LHHL	37,84%
一昨日 <i>ototoi</i> ‘позавчера’ LHHL	46,43%
一日 <i>ichinichi</i> ‘один день, целый день’ LHHH(L)	0%
半日 <i>hannichi</i> ‘полдня’ LHHH(L)	21,05%
日本語 <i>nihongo</i> ‘японский язык’ LHHH(H)	17,85%
学生 <i>gakusei</i> ‘студент’ LHHH(H)	3,3%

Таблица 2 наглядно показывает, что доля правильной реализации акцентно-ритмических структур выбранных стимулов значительно отличается друг от друга: от 0% правильных реализаций слова 一日 *ichinichi* ‘один день, целый день’ (LHHH(L)) до максимального значения в 97,93% правильных реализаций слова 髪 *kami* ‘волосы’ LH(L). Подсчет среднего значения и медианы данных значений показал следующее:

- среднее значение равно 43,05%, что означает, что в среднем 43% всех реализованных акцентно-ритмических структур во встретившихся словах были реализованы верно;
- медиана равна 38,08%, т.е. половина значений из списка выше находятся больше отметки в 38% и половина – ниже, что означает, что большая часть контуров была реализована неверно.

Однако данные показатели содержат мало информации о том, что именно вызывает неправильную реализацию акцентно-ритмических слов в японском языке. Поэтому следует рассчитать те же показатели для групп с одинаковым

количеством мор и групп с одинаковым ударением. В Таблице 3 представлены значения среднего значения и медианы для групп с одинаковым количеством мор.

Таблица 3

Н мор	Среднее значение; медиана
1 моры	62,78%; 72,86%
2 моры	51,11%; 48,84%
3 моры	28,38%; 24,55%
4 моры	29,93%; 33,92%

Данные Таблицы 3 свидетельствуют о том, что правильность реализации ритмического-контура слова зависит от его длины.

3.4.1.1 Одноморные слова

Так, лучше всего были реализованы акцентно-ритмические контуры одноморных слов: в среднем таких правильных реализаций было 62,78%; половина значений находилась выше отметки в 72,86%, что является довольно высоким результатом. Такой результат можно объяснить небольшим числом моделей акцентуации, которые могут реализовываться на одной море – всего 2 модели (Н(L) и L). Таким образом, шанс реализовать правильную модель акцентуации – 50%. Однако полученное среднее значение показывает, что дикторы справляются с задачей лучше, чем при случайном попадании, что позволяет говорить о знании моделей акцентуации.

Таблица 4

Слово	% правильной реализации
木 <i>ki</i> ‘дерево’ Н(L)	77%

気 <i>ki</i> ‘дух’ L	47,22%
火 <i>hi</i> ‘огонь’ H(L)	86,2%
日 <i>hi</i> ‘день, свет’ L	14,28%
目 <i>me</i> ‘глаз’ H(L)	60,52%
絵 <i>e</i> ‘картина’ H(L)	71,42%
背 <i>se</i> ‘спина, рост’ H(L), L	93,1%
手 <i>te</i> ‘рука’ H(L)	82,5%
葉 <i>ha</i> ‘лист’ L	74,35%
毛 <i>ke</i> ‘шерсть’ L	21,21%

При рассмотрении Таблицы 4, в которой представлены все одноморные слова, использованные для анализа, видно, что процент правильной реализации положительно коррелирует с типом реализованного на слове контура. Так, в словах с акцентным контуром вида H(L) в среднем правильно реализовано 78,46% от общей числа слов, тогда как безударных слов с контуром L было правильно акцентировано в среднем всего в 39,27% случаев.

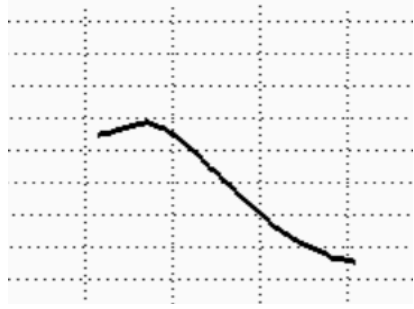
Необходимо обратить внимание на слово 背 *se* ‘спина, рост’ H(L), L, которое в описании современного языка и в словарях имеет два акцентно-ритмических контура. Вследствие возможной реализации двух акцентно-ритмических контуров процент правильных реализаций составляет 93,1%.

В данной группе двуморных стимулов содержится 2 минимальных пары, различающихся только ударением: 木 *ki* ‘дерево’ H(L) и 気 *ki* ‘дух’ L; 火 *hi* ‘огонь’ H(L) и 日 *hi* ‘день, свет’ L. Анализ графиков частоты основного тона показал, что большинство дикторов не различают эти пары:

1. 都市に木は少ないです。

木 *ki* ‘дерев’ Н(L)

ki wa

6. 危ないですよ！もっと気をつけてくだ
さいね！

気 *ki* ‘дух’ L

ki o

f05

9. — 火はどこから出たのですか。
— 台所からです。

火 *hi* ‘огонь’ Н(L)

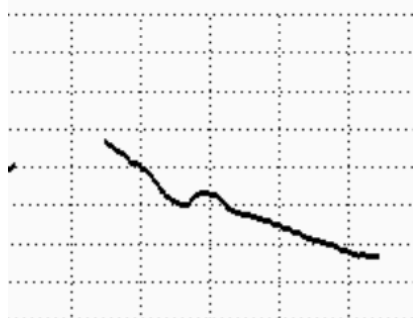
hi wa

12. まだ日が高いから、もっと頑張
りましょう。

日 *hi* ‘день, свет’ L

hi ga

3.4.1.2 Двуморные слова

Двуморные слова, в свою очередь были реализованы несколько хуже: среднее значение правильных реализаций составило 51,11%, медиана – 48,84%, что позволяет утверждать, что половина двуморных слов была реализована с неправильным местом ударения или неверным движением тона на ударном слоге.

Таблица 5

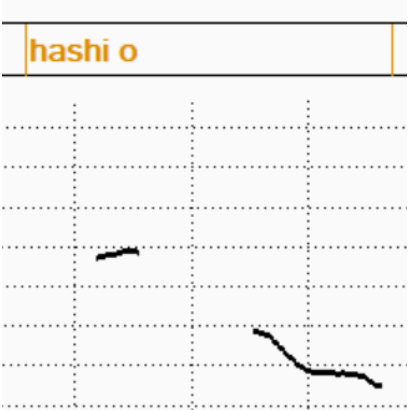
Слово	% правильной реализации
箸 <i>hashi</i> ‘палочки для еды’ HL	55,26%
橋 <i>hashi</i> ‘мост’ LH(L)	42,42%
端 <i>hashi</i> ‘край’ LH(H)	29,4%
神 <i>kami</i> ‘бог’ HL	79,62%
紙 <i>kami</i> ‘бумага’ LH(L)	10,87%
髮 <i>kami</i> ‘волосы’ LH(L)	97,93%
朝 <i>asa</i> ‘утро’ HL	85,71%
猫 <i>neko</i> ‘кошка’ HL	83,82%
鳥 <i>tori</i> ‘птица’ LH(H)	15,38%
風 <i>kaze</i> ‘ветер’ LH(H)	10,71%

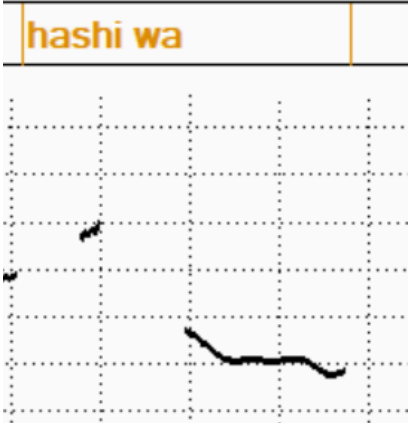
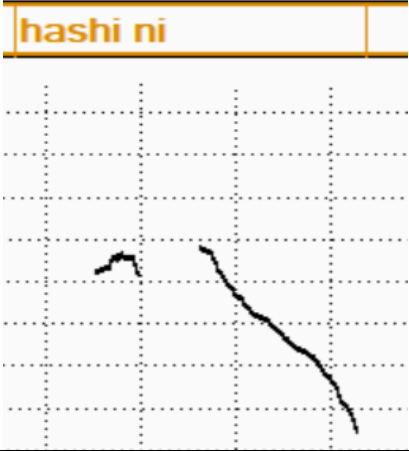
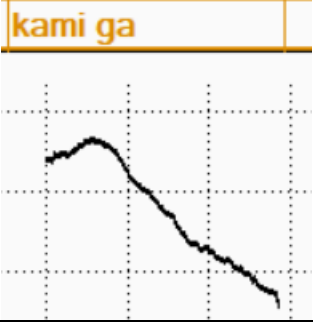
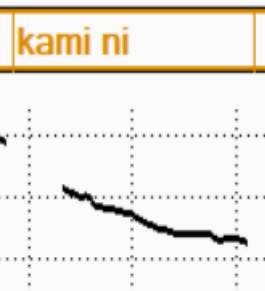
В Таблице 5 содержатся все двуморные слова-стимулы и процент их правильной реализации. Двуморное слово может иметь 3 модели акцентуации (принцип N+1): ударение на 1-й море HL, ударение на 2-й море LH(L) и или же не иметь ударения LH(H). При рассмотрении данных контуров по отдельности становится ясно, что лучше всего реализуется контур HL, в котором ударение падает на 1-ю мору. Среднее значение правильной реализации данного контура равно 76,1%, медиана 81,72%, что опять же свидетельствует о том, что большинство слов были реализованы верно.

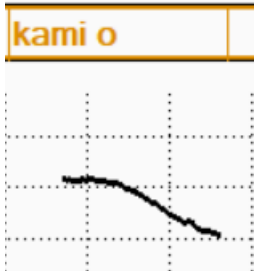
Контур LH(L), в котором ударение падает на 2-ю мору в слове, был реализован хуже: 50,41% всех слов было реализовано именно с таким контуром, т.е. в половине слов с данным акцентным контуром ударение стоит на другой море или же наблюдается другое изменение частоты основного тона. Медиана в данном случае равна 42,42%, т.е. половина всех значений правильной реализации контура находится выше или ниже данного значения.

Третий контур LH(H), при котором в слове нет ударения, оказался для дикторов самым сложным: в среднем было правильно произнесено всего 18,5% от общего числа слов с данным контуром. В этом случае медиана была равна 15,38%, что означает, что дикторы испытывали самые большие сложности с данным контуром.

В случае с двуморными словами многие дикторы также не различают минимальные пары, которые в данной группе объединялись в тройки: 箸 *hashi* ‘палочки для еды’ HL, 橋 *hashi* ‘мост’ LH(L), 端 *hashi* ‘край’ LH(H); 神 *kami* ‘бог’ HL, 紙 *kami* ‘бумага’ LH(L), 髮 *kami* ‘волосы’ LH(L):

f04	
<p>34. ロバートは日本で初めて箸を使った。 箸 <i>hashi</i> ‘палочки для еды’ HL</p>	 <p>The figure shows a pitch contour plot for the word 'hashi o'. The plot is on a grid with a horizontal axis representing time and a vertical axis representing pitch. The word 'hashi o' is written at the top. The contour consists of two tones: a short high tone (HL) and a longer low tone (LH(L)).</p>

<p>36. この橋は壊れています。</p> <p>橋 <i>hashi</i> ‘мост’ LH(L)</p>	<p>hashi wa</p>
<p>38. このつくえの<u>端</u>に物を置いてはいけな い。</p> <p>端 <i>hashi</i> ‘край’ LH(H)</p>	<p>hashi ni</p>
<p>f06</p>	
<p>043. ヒンドゥー教には<u>神</u>が多いが、その 中からは最も最も大事な<u>のは</u>三つの<u>神</u> で す。</p> <p>神 <i>kami</i> ‘бог’ HL</p>	<p>kami ga</p>
<p>044. 神が<u>紙</u>に書く。</p> <p>紙 <i>kami</i> ‘бумага’ LH(L)</p>	<p>kami ni</p>

<p>048. きのう髪を切ってもらった。</p> <p>髪 <i>kami</i> ‘волосы’ LH(L)</p>	
---	---

3.4.1.3 Трехморные слова

Процент реализации трехморных слов оказался еще более низким, чем двух остальных групп (среднее значение 28,38%; медиана 24,55%), доля правильно реализованных контуров представлена в Таблице 6.

Таблица 6

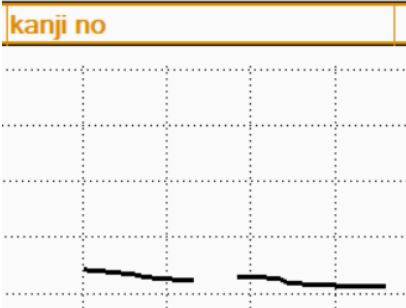
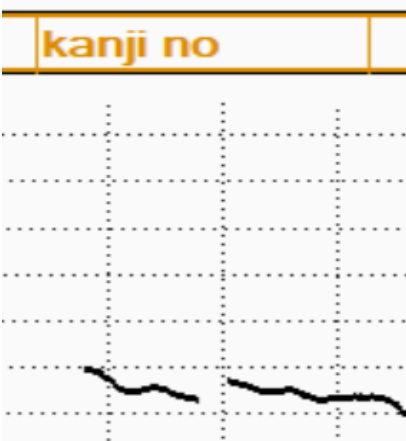
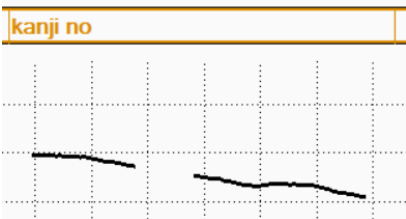
Слово	% правильной реализации
二本 <i>nihon</i> ‘два (цилиндр. предмета)’ HLL	25,8%
日本 <i>nihon</i> ‘Япония’ LHL	46,8%
漢字 <i>kanji</i> ‘иероглиф’ LHH(H)	7,14%
感じ <i>kanji</i> ‘чувство’ LHH(H)	52,5%
緑 <i>midori</i> ‘зеленый, зелень’ HLL	27,57%
卵 <i>tamago</i> ‘яйцо’ LHL	23,3%
光 <i>hikari</i> ‘свет’ LHH(L)	10,71%
言葉 <i>kotoba</i> ‘слово’ LHH(L)	0%
頭 <i>atama</i> ‘голова’ LHH(L)	66,67%
りんご <i>ringo</i> ‘яблоко’ LHH(H)	23,3%

В трехморных словах возможны уже 4 модели акцентуации: ударение на 1-й море HLL, ударение на 2-й море LHL, ударение на 3-й море LHH(L) или же слово может не иметь ударения. В данной группе лучше всего реализовывался контур LHL (среднее значение и медиана 35,05%). Чуть хуже результат у

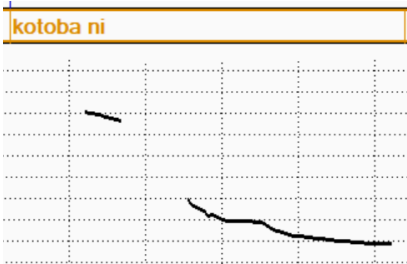
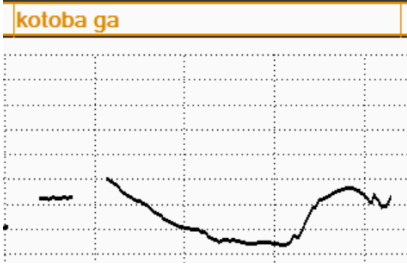
безударных слов с контуром LHH(H) (среднее значение 27,65%, медиана 23,3%). Здесь необходимо заметить, что в речи носителей японского языка данный контур также не всегда реализовывался с повышением тона на всех морях слова, кроме первой, так как данные трехморные стимулы нередко находились в конце синтагмы и подчинялись общему интонационному контуру синтагмы и мелодической деклинации. Так как данное явление было обнаружено в речи двух носителей японского языка, то было принято решение отталкиваться от эмпирических данных, вследствие чего понижающийся контур был также размечен как верный:

74. 彼はどんな感じの男でしょうか。

感じ *kanji* ‘чувство’ LHH(H)

j01	
f04	
f02	

Контур с ударением на 1-й мере HLL был верно реализован в 26,69% случаев (медиана 26,69%), тогда как акцентно-ритмическая структура вида LHH(L) оказалась для дикторов самой сложной: среднее значение 25,8%, медиана 10,71%. Это объясняется тем, что слово 言葉 *kotoba* ‘слово’ LHH(L) ни разу не было реализовано правильно в данном материале, оно нередко произносилось с контуром HLLL либо LHLH:

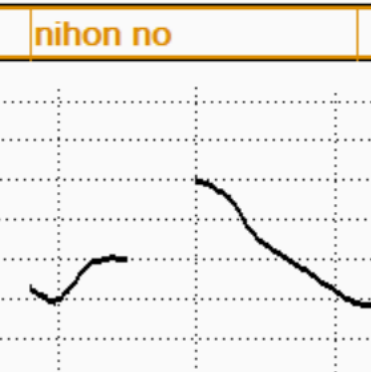
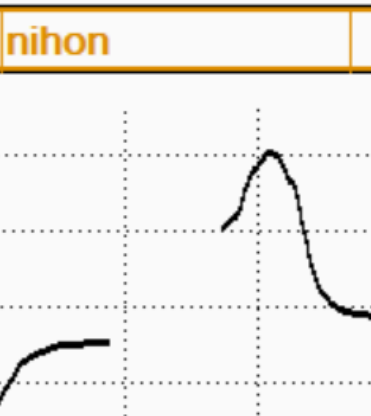
<p>f04</p> <p>85. 言葉に気を付けなさい。 言葉 <i>kotoba</i> ‘слово’ LHH(L) реализовано как HLLL</p>	 <p>The graph shows the pitch contour for the word 'kotoba ni'. The x-axis represents time and the y-axis represents pitch. The contour starts with a low tone for 'kotoba' and then rises slightly for 'ni', but remains relatively low throughout.</p>
<p>f01</p> <p>86. あなたの最後の言葉が聞こえませんでした。 言葉 <i>kotoba</i> ‘слово’ LHH(L) реализовано как LHLH</p>	 <p>The graph shows the pitch contour for the word 'kotoba ga'. The x-axis represents time and the y-axis represents pitch. The contour starts with a low tone for 'kotoba' and then rises significantly for 'ga', ending with a high tone.</p>

Подъем тона в конце фонетического слова *kotoba ga* в последнем примере часто встречается в исследуемом материале и используется русскоязычными дикторами для маркирования незавершенности. Такое тональное движение используется в речи дикторами разного уровня знания японского языка, однако дикторы с более низким уровнем (N4) используют его чаще. Данное движение тона схоже с интонационным контуром ИК-3 по системе Е. А. Брызгуновой [Брызгунова, 1977] и имеет такое же значение. Это позволяет выделить такое движение тона как одну из особенностей японской речи носителей русского языка вне зависимости от их уровня владения японским языком.

При произнесении минимальной пары 二本 *nihon* ‘два (цилиндр. предмета)’
 HLL и 日本 *nihon* ‘Япония’ LHL дикторы отдавали предпочтение самому
 частотному контуру в данной группе – LHL:

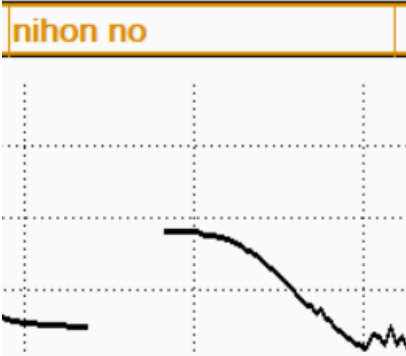

063. 二本の道はそこでクロスしている。

二本 *nihon* ‘два (цилиндр. предмета)’

<p>j01</p>	
<p>f05</p>	
<p>m01</p>	

068. もっと日本の話を知りたいです。

日本 *nihon* ‘Япония’ LHL

j01	
f02	

3.4.1.4 Четырехморные слова

Слова с составом 4 моры имеют наибольшее число моделей акцентуации – 5: HLLL, LHLL, LHL, LHH(L) LHH(H), в которых ударение падает на 1-ю, 2-ю, 3-ю, 4-ю мору соответственно либо не падает внутри данного слова. Данный контур был реализован в 29,93% реализации слов из данной группы, медиана 33,92%, что означает, что в среднем треть от всех слов длиной в 4 моры были реализованы согласно теоретическому описанию ударения в японском языке.

Таблица 7

Слово	% правильной реализации
音楽 <i>ongaku</i> ‘музыка’ HLLL	38,23%
毎日 <i>mainichi</i> ‘каждый день’ HLLL	37,93%
果物 <i>kudamono</i> ‘фрукт’ LHLL	30%
靴下 <i>kutsushita</i> ‘носок’ LHLL	66,67%

先生 <i>sensei</i> ‘учитель’ LННL	37,84%
一昨日 <i>ototoi</i> ‘позавчера’ LННL	46,43%
一日 <i>ichinichi</i> ‘один день, целый день’ LННН(L)	0%
半日 <i>hannichi</i> ‘полдня’ LННН(L)	21,05%
日本語 <i>nihongo</i> ‘японский язык’ LННН(H)	17,85%
学生 <i>gakusei</i> ‘студент’ LННН(H)	3,3%

Более детальный анализ Таблицы 7 показывает, что лучше всего дикторы справились с контуром LНLL (среднее значение 48,34%, медиана 48,34%), чуть хуже – с контуром НLLL (среднее значение 38,08%, медиана 38,08%), тогда как контуры LННН(L) и LННН(H) реализовать у них получилось примерно одинаково – в среднем 10,53% и 10,58% соответственно.

Такое распределение позволяет нам сделать некоторые промежуточные выводы:

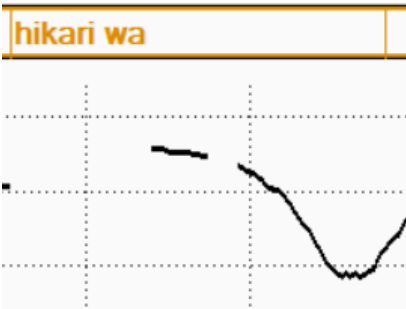
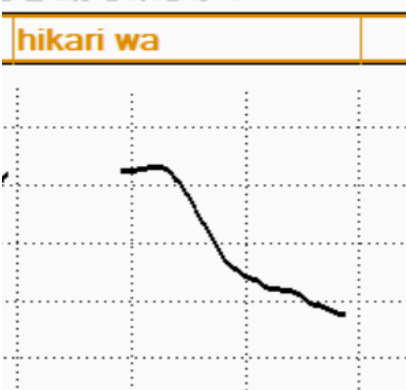
1. С увеличением числа мор в слова и моделей акцентуации уменьшается доля правильных реализаций акцентно-ритмического контура слова;
2. Место словесного ударения в речи носителей русского языка потенциально может быть связано с длиной слова: в коротких словах (1–2 моры) дикторы чаще реализуют ударение на первом слоге (Н(L) и НL соответственно, тогда как в длинных словах (3–4 моры) ударение тяготеет ко второй море (LНL и LНLL соответственно).

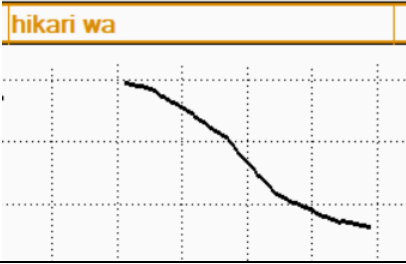
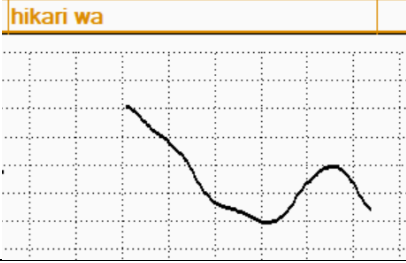
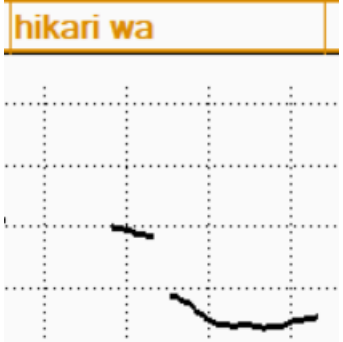
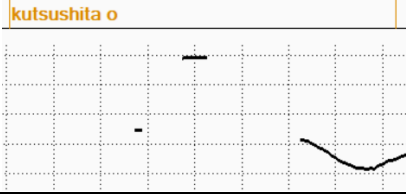
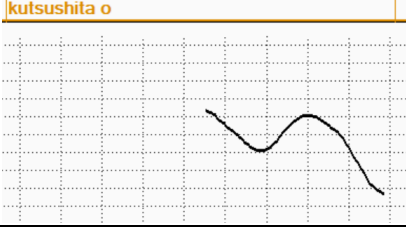
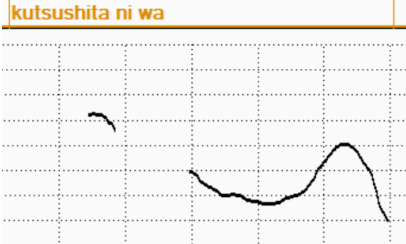
3.4.2 Редукция гласных

Так как главной характеристикой ударения в русском языке является его качественный характер, то была поставлена гипотеза, что дикторы будут использовать систему редукции русского языка в речи на японском языке.

Однако анализ записей опроверг данную гипотезу, так как дикторы тщательно следили за своей артикуляцией при записи и использовали верные аллофоны, используемые в системе японского языка. Это может быть обусловлено как произносительными навыками дикторов и полностью усвоенной фонетической системой японского языка, так и стремлением прочитать правильно, так как «ведется запись для исследования» (комментарий диктора f05 в личной беседе). Общий процент таких редуцированных гласных был настолько мал, что им было решено пренебречь.

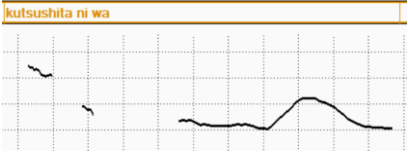
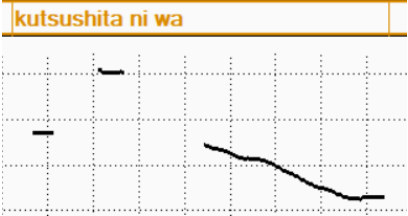
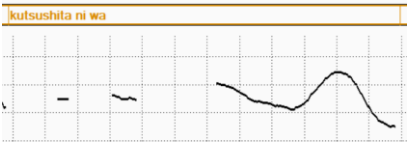
Что касается редукции гласных, то в речи многих дикторов наблюдалась потеря вокалического характера у гласных верхнего подъема /i/ и /u/:

082. この <u>光</u> はどこから来るの？ 光 <i>hikari</i> ‘свет’ LHH(L)	
j01	
m01	

f02	
f04	
f06	
<p>102. その男の子は靴下をはいたまま寝た。 靴下 <i>kutsushita</i> ‘НОСОК’ LHLL</p>	
j01	
f01	
f04	

f09	
-----	--

Однако в некоторых случаях редукция может отсутствовать:

103. この靴下には穴があいている。 靴下 <i>kutsushita</i> ‘носок’ LHLL	
m01	
f02	
f08	

На данном этапе исследования не удалось обнаружить связь между проявлением редукции гласных в японском языке с социолингвистическими характеристиками диктора, так как даже в речи одного диктора редукция может проявляться в разной степени или не проявляться вообще.

Выводы

Проведенный эксперимент по порождению японской речи носителями русского языка и его результаты позволяют сделать некоторые выводы:

1. Носители русского языка, изучающие японский язык, имеют представление об акцентно-ритмической структуре японского языка и владеют способами ее реализации в речи, а именно используют изменение частоты основного тона для акцентного выделения мор в слове;
2. С увеличением числа мор в слове и, соответственно, возможных моделей акцентуации дикторы испытывают большие сложности с реализацией правильной акцентно-ритмической структуры слова и нередко реализуют неправильный контур;
3. Реализация места ударения в слове потенциально связана с длиной слова. Так, в коротких словах (1–2 моры) ударение чаще падает на 1-ю мору (контур $N(L)$ и NL соответственно), тогда как в длинных словах (3–4 моры) дикторы чаще реализуют ударение на 2-ой море (контур LNL и $LHLL$ соответственно);
4. Особенно сложным дикторам представляется акцентно-ритмический контур слова без ударения, т.е. без понижения тона, в большинстве случаев дикторы реализуют понижение тона внутри слова согласно правилам, представленным в п. 3;
5. В своей речи на японском языке носители русского языка практически не используют систему редуций гласных русского языка, но нередко следуют правилам редукции гласных верхнего ряда в окружении глухих согласных.

Заключение

В результате проведенного исследования были изучены особенности реализации музыкального ударения в японском языке носителями русского языка на материале чтения. Гипотеза исследования частично не подтвердилась, возможной причиной является ограниченность материала и недостаточное количество носителей с начальным уровнем владения японским языком, так как именно на ранних стадиях обучения степень интерференции может быть наибольшей.

В ходе работы были решены следующие задачи:

1. были изучены правила реализации ударения в русском литературном языке;
2. были изучены правила реализации ударения в японском литературном языке;
3. были сопоставлены правила ударения в исследуемой паре языков и определены возможные аспекты проявления интерференции на уровне реализации акцентно-ритмической структуры слова;
4. был составлен список слов-стимулов для исследования реализации акцентно-ритмической структуры слов разной длины, к которым был подобран предложения с разными интонационными контурами;
5. были выявлены нарушения реализации акцентно-ритмической структуры слов;
6. были описаны основные типы нарушений реализации акцентно-ритмической структуры слов;
7. были проинтерпретированы ошибки, выявленные в речи русскоязычных дикторов на японском языке.

Результаты настоящего исследования могут быть использованы в качестве основы для разработки и уточнения фонетического курса в рамках общего курса японского языка для носителей русского языка.

Список литературы

1. Аванесов Р. И. О слогоразделе и строении слога // ВЯ. № 6 – 1954.
2. Алпатов В. М, Вардуль И. Ф., Старостин С. А. Грамматика японского языка. М. – 2000.
3. Алпатов В. М. История лингвистических учений. М. – 2005. – 310 с.
4. Алпатов В. М., Аркадьев П. М., Подлеская В. И. Теоретическая грамматика японского языка. Т. 1. М.: Наталис. – 2008. – С. 50-60.
5. Бондарко Л. В. Структура слога и характеристики фонем. – ВЯ. № 1. – 1967.
6. Бондарко Л. В., Павлова Л. П. О фонетических критериях при определении места слоговой границы. – «Русский язык за рубежом» № 4. – 1967.
7. Бондарко Л. В. Слоговая структура речи и дифференциальные признаки фонем. Автореф. докт. дис. Л. – 1969.
8. Бондарко Л. В. Звуковой строй современного русского языка. Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по специальности «Рус. яз. И литература». М., «Просвещение». – 1977.
9. Бондарко Л. В., Вербицкая Л. А., Гордина М. В. Основы общей фонетики. Спб. – 1991 (2004). – С. 119-123.
10. Белявская, Е. Г. Когнитивная лингвистика и преподавание иностранных языков. Вестник МГИМО университета 5 (32). – 2013. – С.76-83.
11. Брызгунова, Е. А. Основные типы интонационных конструкций и их функционирование в русском языке. Русский язык за рубежом, 44 (2). – 1973.
12. Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие. – В кн.: Новое в лингвистике. Вып. IV. М. – 1972. – С.25-60.

13. Вайнрайх У. Языковые контакты: состояние и проблемы исследования. – Киев. – 1979.
14. Виноградов В. А. Лингвистические аспекты обучения языку. К проблеме иностранного акцента. Вып. 2. – М. – 1976.
15. Виноградов В. А., Васильева Н. В. и др. Краткий словарь лингвистических терминов. М. – 1995.
16. Зиндер Л. Р. Общая фонетика. – 1979.
17. Интерференция звуковых систем / Под ред. Л. В. Бондарко и Л. А. Вербицкой. Л. – 1987.
18. Карлинский А. Е. Основы теории взаимодействия языков. Алма-Ата. – 1990.
19. Касевич В.Б. О фонологических единицах, используемых при порождении речи в слоговых языках. – Востоковедение. 5. Л. – 1977.
20. Касевич, В. Б., Яхонтов, С. Е. Квантитативная типология языков Азии и Африки. Изд-во ЛГУ. – 1986.
21. Касевич В.Б. Мора // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М. –1990. – 310 с.
22. Касевич В. Б., Шабельникова Е. М., Рыбин В. В. Ударение и тон в языке и речевой деятельности. Л. – 1990. – 69 с.
23. Квантитативная типология языков Азии и Африки. Под ред. В. Б. Касевича и С.Е. Яхонтова. Л. – 1982.
24. Лепская Н. И. Опыт определения зависимости слогообразования от структуры языка (в свете данных афазии). – Исследования по речевой информации. М. – 1968.
25. Любимова Н. А. Фонетическая интерференция. Л. – 1985.

26. Моради М. Д. Анализ языковой интерференции в процессе освоения русского ударения в условиях отсутствия языковой среды // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – №1. – 2014. – С.149-158.
27. Нечаева Л. Т. Японский язык для начинающих. М. – 2004.
28. Панова Е. А. Реализация сербского тонального ударения носителями русского языка (аудитивный анализ) // Вестник славянских культур. – Т. 39. – №. 1. – 2016.
29. Поливанов Е. Д. Введение в языкознание (для востоковедных вузов). 2 –е и зд. стер. М. – 2002. (1 -е изд.: М. – 1960). – 69 с.
30. Рассказы о сновидениях: Корпусное исследование устного русского дискурса / Под ред. А. А. Кибрика и В. И. Подлесской. М.: Языки славянских культур. – 2009.
31. Розенцвейг В. Ю. Основные вопросы теории языковых контактов – В кн.: Новое в лингвистике. Вып. VI. М. – 1972. – С.4-22.
32. Розенцвейг В. Ю. Языковые контакты. Л. – 1972.
33. Рыбин В. В. Слог и мора в японских «какусикотооба» // Востоковедение: Филол. исследования. Л. Вып. 11. – 1985. – С. 63-68.
34. Рыбин В. В. Слог в японском языке: Автореф. дис... канд. филол. наук. Л. – 1986.
35. Рыбин В. В. Является ли реликтом мора в японском языке? // Язык, культура, общество: проблемы развития / Отв. ред. М. Н. Боголюбов. — Л.: Изд-во Ленингр. ун-та. – 1986. – С. 77-85.
36. Рыбин В. В. Есть ли ударение в японском языке? К вопросу о значимости супraseгментного компонента для описания преподавания и изучения японского языка // Известия Рос. гос. пед. ун-та им. А. И.

Герцена: Научный журнал. Общественные и гуманитарные науки. №8 (41). – 2007а. – С.31-43.

37. Рыбин В. В. Соотношение «слог-мора» и проблема слогоделения в современном японском языке // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2009. №87. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sootnoshenie-slog-mora-i-problema-slogodeleniya-v-sovremennom-yaponskom-yazyke> (дата обращения: 07.12.2020)
38. Рыбин В. В. Соотношение «слог-мора» и проблема слогоделения и я в современном японском языке // Известия Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена: Научный журнал. № 87. – 2009 б.– С.99-107.
39. Рыбин В. В. Звуковой строй японского языка: сегментная и супraseгментная фонетика: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / В.В. Рыбин. – СПб. – 2011. – 56 с.
40. Старостин С. А. Алтайская проблема и происхождение японского языка. – М.: Наука, Гл. ред. восточ. лит. – 1991. – 298 с.
41. Стругова Е. В., Шефтелевич Н. С. Читаем, пишем, говорим по-японски. М. – 2000.
42. Сыромятников Н. А. Система фонем японского языка... М. – 1952. – С. 341-354.
43. Сыромятников Н. А. Развитие новояпонского языка. — М.: Наука, Гл. ред. восточ. лит. – 1978. – 304 с.
44. Сыромятников И. А. Система фонем... По Рыбин. – 2012. – 328 с.
45. Теренин А. В. Взгляд на языковую интерференцию и степени ее проявления // Современные проблемы науки и образования. №3. – 2014. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=13089> (дата обращения: 07.12.2020).

46. Хауген Э. Проблемы двуязычного описания. – В кн.: Новое в лингвистике. Вып. VI. М. – 1972. С. 277-289.
47. Холодович А. А. Проблемы грамматической теории. Л. – 1979.
48. Чистович Л. А., Бондарко Л. В. Об управлении артикуляционными органами в процессе речи. — Исследования по структурной типологии. М. – 1963.
49. Шатохина Г. С. Перцептивный аспект русско-японской фонетической интерференции (об одном из вариантов опознания японскими аудиторами русских бифонемных консонансов) // Вестник СПбГУ. Язык и литература. №1-I. – 2007. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pertseptivnyy-aspekt-russko-yaponskoy-foneticheskoy-interferentsii-ob-odnom-iz-variantov-opoznaniya-yaponskimi-auditorami-russkih-1> (дата обращения: 21.02.2022).
50. Щерба Л. В. Фонетика французского языка. М. – 1953.
51. Щерба Л. В. Русские гласные в качественном и количественном отношении / Ред. Л. Р. Зиндер, Л. В. Бондарко; Акад. наук СССР, Отд-ние лит. и яз., Комис. по истории филол. наук. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние. – 1983. – 321с.
52. Arabski, J. Language transfer in language learning and language contact. Cross-linguistic influences in the second language lexicon. – 2006. – P.12-21.
53. Beckman, M. Segment duration and the 4thoга* in Japanese II – *Phonetica*. Vol.39. N 2-3. – 1982.
54. Blumstein, Sh. E. A Phonological Investigation of Aphasic Speech. The Hague — Paris. – 1973.
55. Campbell, N. Segmental elasticity and timing in Japanese. In Yoh'ichi Tohkura, Eric V. Vatikiotis-Bateson and Yoshinori Sagisaka (eds.), *Speech*

- perception, production and linguistics structure, Tokyo: Ohmsha. – 1992. – P. 403–418.
56. Caspers, J., Kepinska, O. The influence of word-level prosodic structure of the mother tongue on production of word stress in Dutch as a second language. Proceedings of The 17Th International Congress of Phonetic Sciences. – 2011. – P.420-423 Retrieved from <https://hdl.handle.net/1887/17839>
57. Checklin, M. What in the world do we know about word stress: A review of what it is and how to teach it. TESOL in Context. – 2012.
58. Ingram, J. Vietnamese Acquisition of English Word Stress. TESOL Quarterly, 39 (2), 309 – 2005. doi:10.2307/3588314.
59. Fujimoto, M. Vowel devoicing. In Handbook of Japanese phonetics and phonology – 2015. – P. 167-214.
60. Goto N. L2 intonation by Swedish learners of Japanese: Analysis of pitch accent and prosodic phrasing errors. – 2020.
61. Hirano-Cook E. Japanese pitch accent acquisition by learners of Japanese: Effects of training on Japanese accent instruction, perception, and production. – University of Kansas. – 2011.
62. Jespersen O. A Modern English grammar on historical principles. V. 1. Sounds and spelling. – Heidelberg – 1909.
63. Kubozono, H. The mora and syllable structure in Japanese: Evidence from speech errors. Language and Speech, 32(3). – 1989. – P.249-278.
64. Kubozono, H. Constraint interaction in Japanese phonology: Evidence from compound accent. In Rachel Walker, Ove Lorentz and Haruo Kubozono (eds.), Phonology at Santa Cruz 4. Linguistics Research Center, UC Santa Cruz. – 1995. – P.21-38.

65. Kubozono, H. Mora and syllable. In Natsuko Tsujimura (ed.), *The handbook of Japanese linguistics*. Malden, MA and Oxford: Blackwell. – 1999. – P.31-61.
66. Kubozono, H. Introduction to Japanese phonetics and phonology. In Kubozono, H (ed.), *Handbook of Japanese Phonetics and Phonology*, Berlin: De Gruyter. – 2015. – P. 1-40. [doi:10.1515/9781614511984.1](https://doi.org/10.1515/9781614511984.1)
67. Kubozono, H. Mora and syllable. *The handbook of Japanese linguistics*. – 2017. – P.31-61.
68. Labrone, L. *The Phonology of Japanese*, Oxford, England: Oxford University Press. – 2012. [ISBN 978-0-19-954583-4](https://www.isbn-international.org/product/9780199545834)
69. McCawley, J. D. *The phonological component of a grammar of Japanese*. The Hague: Mouton. – 1968.
70. Nguyen T. H. T. ベトナム人日本語学習者による日本語名詞アクセントの習得 [Betonamujin nihongo gakushūsha ni yoru nihongo meishi akusento no shūtoku]. – 2020.
71. Nogita, A., Noriko Y. Japanese moraic dorsalized nasal stop. *Phonological studies* 18. – 2015. – P.75-84.
72. Ohno, Kazutoshi. The lexical nature of rendaku in Japanese. *Japanese Korean Linguistics* 9. – 2000. – P.151–164.
73. Otake, T., Hatano, G., Cutler, A., Mehler, J. Mora or syllable? Speech segmentation in Japanese. *Journal of Memory and Language*, 32. – 1993. – P.258-278. [doi:10.1006/jmla.1993.1014](https://doi.org/10.1006/jmla.1993.1014).
74. Port, Robert F., Jonathan D., Michael O’Dell. Evidence for mora timing in Japanese. *The Journal of the Acoustical Society of America* 81.5. – 1987. – P.1574-1585.

75. Scheer, T. Syllabic and trapped consonants in the light of branching onsets and licensing scales. – 2009.
76. Shibatani, M. The languages of Japan. Cambridge University Press – 1990.
77. Sibata, T., Ritei S. Akusento wa dōongo o dono teido benbetsu shiuru ka [To what extent can word accent distinguish homophones?]. *Keiryō Kokugogaku* 17 (7). – 1990. – P. 317–327.
78. Smith R. E. Natural Phonology of Japanese: Revised and amended version of Ph. D. dissertation. University of Hawaii. – 1980.
79. Stetson, R. H. Traits of Articulate Language. *The Quarterly Journal of Speech*, 34. P. 191-93 – 1948.
80. Tamaoka K., et al. Is Pitch Accent Necessary for Comprehension by Native Japanese Speakers – An ERP Investigation. *Journal of Neurolinguistics* 27. – 2014. P.31-40.
81. Verdonschot, Rinus G., Kiyama, S., Tamaoka, K., Kinoshita, S., Heij, Wido La., Schiller, Niels O. «The functional unit of Japanese word naming: Evidence from masked priming». *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*. 37 (6). – 2011. – P.1458–1473.
doi:10.1037/a0024491
82. Warner, N., Arai, T. Japanese mora-timing: A review. *Phonetica*, 58 (1-2), 1-25. – 2001.
83. Warner, N., Takayuki, A. «Japanese mora-timing: A review». *Phonetica* 58.1-2. – 2001. – P.1-25.
84. Warner, N., Arai, T. Japanese mora-timing: A review. *Phonetica*, 58(1-2). – 2001. – P.1-25.
85. Wayland, R., Landfair, D., Li, B. et al. Native Thai Speakers' Acquisition of English Word Stress Patterns. *J Psycholinguist Res* 35, 285. – 2006.
<https://doi.org/10.1007/s10936-006-9016-9>

86. Zembrzuski D., Marecka M., Otwinowska A., et al. Bilingual children do not transfer stress patterns: Evidence from suprasegmental and segmental analysis of L1 and L2 speech of Polish–English child bilinguals. *International Journal of Bilingualism*. 24 (2) – 2020. – P.93-114.
- 87.磯村一弘 (Isomura K.).音声を教える [Onsei o oshieru] • 東京. – 2009. – 頁 54.
- 88.川上蓁 (Kawakami S.).日本語音声概説 [Nihongo onsei gaisetsu]•東京. – 1987. – 頁 67-69.
- 89.金田一春彦 (Kindaichi H.).日本語音韻の研究 [Nihongo onin no kenkyū]. – 東：東京堂出版, 523 頁+ 索引(38 頁). – 1978.
- 90.窪蘭晴夫 (Kubozono H.) 日本語の音声. 現代言語学入門 [Nihongo no onsei. Gendai gengogaku nyūmon]. 2. 東. – 2005.
- 91.城田俊 (Shirota S.).日本語の音:音声学と音韻論 [Nihongo no oto: onseigaku to on'inron]. 東京. – 1993. – 頁 77.
- 92.スリーエーネットワーク [Surī nettowāku]. みんなの日本語初級 [Minna no nihongo shokyū] (Vol. 2). スリーエーネットワーク. – 2001.

Приложение 1

Анкета для носителей русского языка

1. В каком возрасте Вы начали изучать японский язык? В каких условиях (самостоятельно, с репетитором, в школе/университете, др.)?
2. Сколько в общем Вы изучаете/изучали японский язык? В каких условиях (самостоятельно, с репетитором, в школе/университете, др.)?
3. Пользуетесь ли Вы японским языком сейчас? Как именно (изучаете, преподаете, др.)?
4. Есть ли у Вас сертификат о владении японским языком (JLPT, 日本語能力試験)? Если да, то какого уровня и когда он был (примерно) получен?
5. Проживали ли Вы когда-либо в Японии дольше 1 месяца? Если да, то как долго?
6. Есть ли у Вас опыт обучения японскому языку в Японии? Если да, то где и как долго Вы обучались?
7. Знаете ли Вы про музыкальное ударение в японском языке?
8. Преподавали ли Вам его в рамках обучения японскому языку? Если да, то каким образом?

Приложение 2

Таблица 1. Отобранные стимулы и предложения

N	Слово	Предложения
1.	木 <i>ki</i> ‘дерево’ Н(L)	<p>としに 木 はすくないです。 <i>toshi ni ki wa sukunai desu</i> ‘В городе растет мало деревьев.’</p> <p>そんなに早く 木 を伐っていくと、最後には山に 木 がなくなってしまうでしょう。 <i>sonna ni hayaku ki o kitte iku to saigo ni wa yama ni ki ga nakunatte shimau deshō</i> ‘Вероятно, что при такой скорости рубки деревьев в конце концов в горах совсем закончится лес.’</p> <p>木 はいろいろな方面に使われている。 <i>ki wa iroiro na hōmen ni tsukawareteiru</i> ‘Древесина используется в различных областях.’</p>
2.	気 <i>ki</i> ‘дух’ L	<p>5分後に彼は 気 がついた。 <i>go fun go ni kare ga ki ga tsuita</i> ‘Он заметил через 5 минут.’</p> <p>仕事から帰って掃除をする 気 が全然ありません。 <i>shigoto kara kaette sōji o suru ki ga zenzen arimasen</i> ‘После возвращения с работы сил убирать совсем нет.’</p> <p>危ないですよ！もっと 気 をつけてくださいね！ <i>abunai desu yo motto ki o tsukete kudasai</i> ‘Осторожно! Будьте более внимательны!’</p>
3.	火 <i>hi</i> ‘огонь’ Н(L)	<p>私はマッチをすって 紙 に 火 をつけた。 <i>watashi wa matchi o sutte kami ni hi o tsuketa</i> ‘Я чиркнул спичкой и поджег бумагу.’</p> <p>たけしは 手 を 火 にかざして 暖 めた。 <i>takeshi wa te o hi ni kazashite atatameta.</i></p>

		<p>takeshi wa te o hi ni kazashite atatameta</p> <p>‘Такэси поднес руки к огню и грел их.’</p> <p>— 火はどこから出たのですか。 — <small>だいどころ</small> 台所からです。</p> <p>hi wa doko kara deta no desu ka daidokoro kara desu</p> <p>‘– Откуда пошел огонь? – Из кухни.’</p>
4.	<p>日</p> <p><i>hi</i></p> <p>‘день, свет’</p> <p>L</p>	<p><small>はる</small> 春が来ると、日がだんだん<small>なが</small>長くなって来る。</p> <p>haru ga kuru to hi ga dandan nagaku natte kuru</p> <p>‘С наступлением весны день становится длинее.’</p> <p><small>へや</small> 部屋には日がいっぱい差していた。</p> <p>heya ni wa hi ga ippai sashiteita</p> <p>‘В комнате было много света.’</p> <p>まだ日が<small>たか</small>高いから、もっと<small>がんば</small>頑張りましょう。</p> <p>mada hi ga takai kara motto ganbarimashō</p> <p>‘Солнце еще высоко, поэтому давайте еще поработаем.’</p>
5.	<p>目</p> <p><i>me</i></p> <p>‘глаз’</p> <p>H(L)</p>	<p>目に見えないモノはこうやって見られる。</p> <p>me ni mienai mono wa kō yatte mirareru</p> <p>‘Невидимые глазу вещи можно увидеть вот так.’</p> <p>アンナは目を閉じて、すぐ<small>ね</small>寝ました。</p> <p>anna wa me o tojite sugu nemashita</p> <p>‘Анна закрыла глаза и тут же уснула.’</p> <p>この<small>ねこ</small>猫は右の目が<small>み</small>見えない。</p> <p>kono neko wa migi no me ga mienai</p> <p>‘У этой кошки правый глаз не видит.’</p>
6.	<p>絵</p> <p><i>e</i></p> <p>‘картина’</p> <p>H(L)</p>	<p>やっと絵を<small>か</small>描き<small>お</small>終えた。</p> <p>yatto e o kakioeta</p> <p>‘Я наконец закончил рисовать картину.’</p> <p>もっと<small>ちか</small>近づいて、この絵をよく<small>み</small>見なさい。</p> <p>motto chikazuite kono e o yoku minasai</p> <p>‘Подойдите поближе и посмотрите на эту картину.’</p>

		<p>マユコは本^{ほん}を^よ読み、メグは^え絵をかいていた。</p> <p>mayuko wa hon o yomi megu wa ^e o kaite ita</p> <p>‘Маюко читала книгу, а Мег рисовала картину.’</p> <p>私は^え絵をか^かくのは^へ下手だ。</p> <p>watashi wa ^e o kaku no wa heta da</p> <p>‘Я плохо рисую [картины].’</p>
7.	<p>背</p> <p>se</p> <p>‘спина, рост’</p> <p>H(L), L</p>	<p>あの^せ背^{たか}が高い^{ひと}人はだれですか。</p> <p>ano ^{se} ga takai hito wa dare desu ka</p> <p>‘Кто тот высокий человек?’</p> <p>トムはジャックと^せ背^{おな}が同じぐら이다。</p> <p>tomu wa jakku to ^{se} ga onaji gurai da</p> <p>‘Том и Джек одного роста.’</p> <p>彼はこのクラスで一番^い背^{ばん}が高い。</p> <p>kare wa kono kurasu de ichiban ^{se} ga takai</p> <p>‘Он самый высокий в этом классе.’</p>
8.	<p>手</p> <p>te</p> <p>‘рука’</p> <p>H(L)</p>	<p>ここに^て手^てのないナベがある。</p> <p>koko ni ^{te} no nai nabe ga aru</p> <p>‘Здесь есть кастрюля без ручек.’</p> <p>— ^て手^てに何^{なに}を持^もっているの? — 500円玉^{えんだま}です。</p> <p>^{te} ni nani o motte imasu ka gohyaku en dama desu</p> <p>‘– Что у тебя в руке? – Монета в 500 йен.’</p> <p>かれ^{かれ}は^{かのじょ}彼女^{かのじょ}と^て手^てをつないで^{ある}歩いて^{ある}いた。</p> <p>kare wa kanojo to ^{te} o tsunaide aruite ita</p> <p>‘Он шел, взяв ее за руку.’</p>
9.	<p>葉</p> <p>ha</p> <p>‘лист’</p> <p>L</p>	<p>^き木^はの^は葉^{あき}は秋^{あき}になると^{いろ}色^かが^かわる。</p> <p>ki no ^{ha} wa aki ni naru to iro ga kawaru</p> <p>‘Листья на деревьях желтеют ([меняют цвет]) осенью.’</p>

		<p>はる 春になると、庭の ^{にわ}木 ^きに ^は葉 ^はが ^ではじ ^{はる}める。 / 春になると、庭の ^{にわ}木 ^きに ^は葉 ^はが ^で出る。</p> <p>haru ni naru to niwa no ki ni ha ga dehajimeru / haru ni naru to niwa no ki ni ha ga deru</p> <p>‘Весной на деревьях начинают появляться листья. / Весной на деревьях появляются листья.’</p> <p>この ^き木 ^は葉 ^はが ^おすっかり ^お落ちて ^おいて、 ^は葉 ^はは ^{いちまい}一枚 ^のこ ^も残 ^{って}いません。</p> <p>kono ki wa ha ga sukkari ochite ite ha wa ichimai mo nokotte imasen</p> <p>‘Это дерево полностью облетело, на нем не осталось ни листочка.’</p>
10.	<p>毛 <i>ke</i> ‘шерсть’ L</p>	<p>スープに ^け毛 ^が 1 本 ^は入 ^って ^いた！</p> <p>sūpū ni ke ga ippon haitte ita</p> <p>‘В супе волос!’</p> <p>あの ^{ねこ}猫 ^の毛 ^はは ^ととても ^きれい ^でフワフワ ^{です}。</p> <p>ano neko no ke wa totemo kirei de fuwafuwa desu</p> <p>‘Та кошка очень красивая и пушистая.’</p> <p>こねこ ^{ちゃん}子猫 ^の毛 ^が ^なぜ ^か ^うす ^くな ^って ^きた。</p> <p>konekochan no ke ga nazeka usuku natte kita</p> <p>‘Шерсть котенка почему-то поредела.’</p>
11.	<p>箸 <i>hashi</i> ‘палочки для еды’ HL</p>	<p>マイクルは ^{はし}箸 ^を ^が ^{つか}え ^ませ ^ん。</p> <p>maikuru wa hashi o/ga tsukaemasen</p> <p>‘Майкл не умеет есть палочками.’</p> <p>その ^{おとこ}男 ^の子 ^は ^{はし}箸 ^で ^たべ ^て ^みた。</p> <p>sono otoko no ko wa hashi de tabete mita</p> <p>‘Этот мальчик попробовал есть палочками.’</p> <p>ロバートは ^{にほん}日本 ^で ^はじ ^めて ^{はし}箸 ^を ^{つか}った。</p> <p>robāto wa nihon de hajimete hashi o tsukatta</p> <p>‘Роберт впервые использовал палочки для еды в Японии.’</p>
12.	<p>橋 <i>hashi</i></p>	<p>その ^{かわ}川 ^{には} ^{はし}橋 ^が ^かか ^って ^いな ^かった。</p>

	<p>‘мост’ LH(L)</p>	<p>sono kawa ni wa hashi ga kakatte inakatta ‘Через эту реку не было моста.’</p> <p>この橋<small>こわ</small>は壊れています。 sono hashi ha kowarete imasu ‘Этот мост сломан.’</p> <p>アンナさんは橋<small>はし</small>で者<small>はし</small>を見つけました。 anna san wa hashi de hashi o mitsukemashita ‘Анна нашла палочки для еды на мосту.’</p>
13.	<p>端 <i>hashi</i> ‘край’ LH(H)</p>	<p>このつくえの端<small>はし</small>に物<small>もの</small>を置<small>お</small>いてはいけない。 kono tsukue no hashi ni mono o oite wa ikenai ‘Нельзя класть вещи на край этого стола.’</p> <p>彼女<small>かのじょ</small>は端<small>はし</small>から端<small>はし</small>まで新聞<small>しんぶん</small>を読<small>よ</small>んだ。 kanojo wa hashi kara hashi made shinbun o yonda ‘Она прочитала газету от начала до конца.’</p> <p>山<small>やま</small>の端<small>はし</small>にのぼる月<small>つき</small>は美<small>うつく</small>しいでした。 yama no hashi ni noboru tsuki wa utsukushii deshita ‘Луна, взобравшаяся на край горы, была красива.’</p>
14.	<p>神 <i>kami</i> ‘бог’ HL</p>	<p>われわれは<small>かみ</small>伴<small>はな</small>ではなく人間<small>にんげん</small>だけです。 / 私<small>わたし</small>たちは<small>かみ</small>伴<small>はな</small>ではなく人間<small>にんげん</small>だけです。 wareware wa kami dewanaku ningen dake desu / watashitachi wa kami dewanaku ningen dake desu ‘Мы не боги, мы всего лишь люди.’ / ‘Мы не боги, мы всего лишь люди.’</p> <p>山田<small>やまだ</small>はとてもケチだ。金<small>かね</small>は彼の<small>かれ</small>神<small>かみ</small>であるといわれる。 yamada wa totemo kechi da kane wa kare no kami dearu to iwareru ‘Ямада очень жадный. Говорят, что он поклоняется деньгам [как божеству].’</p>

		<p>ヒンドゥー教^{きょう}には神^{かみ}が多いが、その中^{なか}からは最^{もっと}も大^{だい}事^じなのは三^{みつ}つ の神^{かみ}です。</p> <p>hindōkyō ni wa kami ga ōi ga sono naka kara wa mottomo daiji na now a mittsu no kami desu</p> <p>‘В индуизме много разных богов, но среди них есть три главных бога.’</p> <p>神^{かみ}が紙^{かみ}に書^かく。</p> <p>kami ga kami ni kaku</p> <p>‘Бог пишет на бумаге.’</p>
15.	<p>紙</p> <p><i>kami</i></p> <p>‘бумага’</p> <p>LH(L)</p>	<p>紙^{かみ}を二枚^{にまい}下^{くだ}さい。</p> <p>kami o nimai kudasai</p> <p>‘Дайте, пожалуйста, два листа бумаги.’</p> <p>この箱^{はこ}は紙^{かみ}で作^{つく}られているので、リサイクルしてくださいね！</p> <p>kono hako wa kami de tsukurarete iru node risaikuru shite kudasai ne</p> <p>‘Эта коробка сделана из бумаги, так что сдайте ее в переработку, пожалуйста.’</p> <p>メアリーはその紙^{かみ}に名^な前^{まえ}を書^かいた。</p> <p>mearī wa sono kami ni namae o kaita</p> <p>‘Мэри написала на бумаге свое имя.’</p>
16.	<p>髪</p> <p><i>kami</i></p> <p>‘волосы’</p> <p>LH(L)</p>	<p>きのう髪^{かみ}を切^きってもらった。</p> <p>kinō kami o kitte moratta</p> <p>‘Я вчера постригся.’</p> <p>テイラーは髪^{かみ}を長^{なが}く伸^のばしている。</p> <p>teirā wa kami o nagaku nobashite iru</p> <p>‘У Тейлора длинные волосы.’</p> <p>あの長^{なが}い髪^{かみ}の男^{おとこ}はだれですか。</p> <p>ano nagai kami no otoko wa dare desu ka</p> <p>‘Кто тот длинноволосый мужчина?’</p>

17.	<p>朝 <i>asa</i> 'утро' HL</p>	<p>マイクルは朝<small>あさ</small>に早く<small>はや</small>起きて、朝ごはんを<small>た</small>食べて、大学<small>だいがく</small>に行きま した。 maikuru wa asa ni hayaku okite asagohan o tabete daigaku ni ikimashita 'Майкл проснулся утром, позавтракал и пошел в университет.'</p> <p>今日は寒い朝<small>あさ</small>だったから、散歩<small>さんぽ</small>しなかった。 kyō wa samui asa datta kara sanpo shinakatta 'Сегодня утром было холодно, поэтому я не пошел гулять.'</p> <p>私たちは4月10日の朝<small>あさ</small>出発<small>しゅっぱつ</small>するつもりです。 watashitachi wa shigatsu tōka no asa shuppatsu suru tsumori desu 'Мы собираемся выезжать 10 апреля.'</p>
18.	<p>猫 <i>neko</i> 'кошка' HL</p>	<p>猫<small>ねこ</small>は普通<small>ふつう</small>ねずみをとるが、私の猫<small>ねこ</small>はねずみがこわい。 / 私の猫<small>ねこ</small>はね ずみがこわい。 neko wa futsū nezumi o toru ga watashi no neko wa nezumi ga kowai / watashi no neko wa nezumi ga kowai 'Обычно кошки ловят мышей, но моя кошка мышей боится.' / 'Моя кошка боится мышей.'</p> <p>猫<small>ねこ</small>がのどをごろごろ<small>な</small>鳴らしている。 / ほら！台所<small>だいどころ</small>に猫<small>ねこ</small>がいる。 neko ga nodo o gorogoro nararashite iru / hora daidokoro ni neko ga iru 'Кошка громко мурчит.' / 'Смотрите! На кухне кошка.'</p> <p>朝<small>あさ</small>から猫<small>ねこ</small>はニャーニャーと鳴<small>な</small>いている。 asa kara neko wa nyānyā to naite iru 'Кошка мяукает с [самого] утра.'</p>
19.	<p>鳥 <i>tori</i> 'птица' LH(H)</p>	<p>遠<small>とお</small>くに鳥<small>とり</small>が見<small>み</small>えた。 tōku ni tori ga mieta 'Вдалеке показалась птица.'</p> <p>英語<small>えいご</small>ではこの鳥<small>とり</small>をなんと呼<small>よ</small>びますか。 eigo de wa kono tori o nan to yobimasu ka 'Как эта птица называется по-английски?'</p>

		<p>鳥<small>なか</small>の中には飛<small>と</small>べないものもいる。</p> <p>tori no naka ni wa tobenai mono mo iru</p> <p>‘Среди птиц есть и нелетающие виды.’</p>
20.	<p>風</p> <p><i>kaze</i></p> <p>‘ветер’</p> <p>LH(H)</p>	<p>きょうは風<small>かぜ</small>がなくて、とても暑<small>あつ</small>い。</p> <p>kyō wa kaze ga nakute totemo atsui</p> <p>‘Сегодня безветренно и очень жарко.’</p> <p>あめ<small>あめ</small>が降<small>ふ</small>っているところに風<small>かぜ</small>もふいた。</p> <p>ame ga futte iru tokoro ni kaze mo fuita</p> <p>‘Когда шел дождь, подул ветер.’</p> <p>わたし<small>わたし</small>は帽子<small>ぼうし</small>を風<small>かぜ</small>に飛<small>と</small>ばされた。</p> <p>watashi wa bōshi o kaze ni tobasareta</p> <p>‘Ветер унес мою шляпу.’</p>
21.	<p>二本</p> <p><i>nihon</i></p> <p>‘два (цилиндр. предмета)’</p> <p>HLL</p>	<p>二本<small>にほん</small>の道<small>みち</small>はそこでクロスしている。</p> <p>nihon no michi wa soko de kurosu shite iru</p> <p>‘Две дороги там пересекаются.’</p> <p>チョークを二本<small>にほん</small>持<small>も</small>ってきてください。</p> <p>chōku o nihon motte kite kudasai</p> <p>‘Принесите два мела, пожалуйста.’</p> <p>私の母<small>はは</small>はオレンジジュースを二本<small>にほん</small>買<small>か</small>った。</p> <p>watashi no haha wa orenji jūsu o nihon katta</p> <p>‘Моя мама купила две [бутылки] апельсинового сока.’</p>
22.	<p>日本</p> <p><i>nihon</i></p> <p>‘Япония’</p> <p>LHL</p>	<p>日本<small>にほん</small>に生まれ<small>う</small>れた人は日本<small>にほんじん</small>人<small>ひと</small>といひます。</p> <p>nihon ni umareta hito wa nihonjin to iimasu</p> <p>‘Родившиеся в Японии люди называются японцами.’</p> <p>英語<small>えいご</small>は日本<small>にほん</small>で勉強<small>べんきょう</small>されています。</p> <p>eigo wa nihon de benkyō sarete imasu</p> <p>‘Английский язык изучается в Японии.’</p>

		<p>もっと 日本^{はなし き}の話を聞きたいです。 motto nihon no hanashi o kikitau desu ‘Я хочу больше услышать о Японии.’</p>
23.	<p>漢字 <i>kanji</i> ‘иероглиф’ LHH(H)</p>	<p>この 漢字^{かんじ}はどういう意味ですか。 kono kanji wa dō iu imi desu ka ‘Что означает этот иероглиф?’</p> <p>漢字^{すこ おし}を少し教えてください。 kanji o sukoshi oshiete kudasai ‘Пожалуйста, объясните мне иероглифы.’</p> <p>アンナはこんな 難^{むずか}しい 漢字^{かんじ}も読めます。 anna wa konna muzukashii kanji mo yomemase ‘Анна может читать и такие сложные иероглифы.’</p>
24.	<p>感じ <i>kanji</i> ‘чувство’ LHH(H)</p>	<p>その歌^{うた}はどんな 感じ^{かんじ}ですか。 sono uta wa donna kanji desu ka ‘Как тебе эта песня?’</p> <p>右目^{みぎめ}が熱^{あつ}い 感じ^{かんじ}です。 migime ga atsui kanji desu ‘Правый глаз как будто бы горит.’</p> <p>彼はどんな 感じ^{かんじ}の男^{おとこ}でしたか。 kare wa donna kanji no otoko deshita ka ‘Какой он человек?’</p>
25.	<p>緑 <i>midori</i> ‘зеленый, зелень’ HLL</p>	<p>あなたは 緑^{みどり}と青^{あお}を見分^{みわ}けることができますか。 anata wa midori to ao o miwakeru koto ga dekimasu ka ‘Вы умеете различать зеленый и голубой?’</p> <p>その 緑^{みどり}のシャツ^みを見せてください。 sono midori no shatsu o misete kudasai ‘Покажите, пожалуйста, эту зеленую рубашку.’</p>

		<p>私は猫を緑に塗った。 watashi wa neko o midori ni nutta ‘Я покрасил кошку в зеленый цвет.’</p>
26.	<p>卵 <i>tamago</i> ‘яйцо’ LHL</p>	<p>ラグビーのボールは卵に似ている。 ragubī no bōru wa tamago ni nite iru ‘Мяч для регби похож на яйцо.’</p> <p>メアリーは卵を一つずつ取り出した。 mearī wa tamago o hitotsu zutsu toridashita ‘Мэри вытаскивала яйца по одному.’</p> <p>ニワトリが今朝卵を生んだ。 niwatori ga kesa tamago o unda ‘Курица снесла яйцо сегодня утром.’</p>
27.	<p>光 <i>hikari</i> ‘свет’ LHH(L)</p>	<p>人の目で見える光です。 hito no me de mieru hikari desu ‘Это свет, видимый глазу человека.’</p> <p>この光はどこから来るの？ kono hikari wa doko kara kuru no ‘Откуда идет этот свет?’</p> <p>開いたドアから目の光が入ってきた。 hiraita doa kara hi no hikari ga haitte kita ‘Много света попадало со стороны открытой двери.’</p>
28.	<p>言葉 <i>kotoba</i> ‘слово’ LHH(L)</p>	<p>英語は他のどんな言葉よりも多くの人々によって話されています。 eigo wa hoka no donna kotoba yori mo ōku no hitobito ni yotte hanasarete imasu ‘На английском языке говорит больше всего человек в мире.’</p> <p>言葉に気を付けなさい。 kotoba ni ki o tsukenasai ‘Будь осторожен со словами.’</p>

		<p>あなたの最後の言葉が聞こえませんでした。 anata no saigo no kotoba ga kikoemasen deshita ‘Я не расслышал твои последние слова.’</p>
29.	<p>頭 <i>atama</i> ‘голова’ LHH(L)</p>	<p>まるで頭のような話し方をする。 maru de atama no yō na hanashikata o suru ‘[Он] говорит так, как будто он здесь босс.’</p> <p>まだ頭が痛くてくらくらした。 mada atama ga itakute kurakura shita ‘У меня все еще болела и кружилась голова.’</p> <p>頭を使うのは先生だけじゃないよ。 atama o tsukau now a sensei dake janai yo ‘[Здесь] голова работает не только у учителя.’</p>
30.	<p>りんご <i>ringo</i> ‘яблоко’ LHH(H)</p>	<p>りんごが嫌いな子どももいる。 ringo ga kirai na kodomo mo iru ‘Некоторые дети ненавидят яблоки.’</p> <p>それはとても大きなりんごなんですよ。/それはとても大きいりんごですよ。 sore wa totemo ōki na ringo nan desu yo / sore wa totemo ōkii ringo desu yo ‘Это очень большое яблоко.’ / ‘Это очень большое яблоко.’</p> <p>彼女はりんごがいっぱい入ったかごを持っていた。 kanojo wa ringo ga ipprao haitta gako o motte ita ‘Она несла корзину с горой яблок.’</p>
31.	<p>音楽 <i>ongaku</i> ‘музыка’ HLLL</p>	<p>音楽を勉強するために日本へやってきた。/音楽を勉強するために日本へきた。 ongaku o benkyō suru tame ni nihon e yatte kita / ongaku o benkyō suru tame ni nihon e kita ‘Я приехал в Японию, чтобы заниматься музыкой.’ / ‘Я приехал в Японию, чтобы заниматься музыкой.’</p>

		<p>ねえ、音楽^きを聴くのはとても楽しいよね。 nē ongaku o kiku no wa totemo tanoshii yo ne ‘Слушай, слушать музыку так приятно, скажи?’</p> <p>音楽^きを聴くのが好き^すですか、それとも、歌う^{うた}のが好きですか。 ongaku o kiku no ga suki desu ka soretomo utau no ga suki desu ka ‘Вы любите слушать музыку или же петь?’</p>
32.	<p>毎日 <i>mainichi</i> ‘каждый день HLLL</p>	<p>その犬^{いぬ}に毎日^{まいにち}食べ物^{たべもの}をやって下さい。 sono inu ni mainichi tabemono o yatte kudasai ‘Пожалуйста, кормите собаку каждый день.’</p> <p>英語^{えいご}は毎日^{まいにち}勉強^{べんきょう}しなければなりません。 eigo wa mainichi benkyō shinakereba narimasen ‘Необходимо учить английский язык каждый день.’</p> <p>どんなに寒^{さむ}くても、彼は毎日^{まいにち}20キロ^{はし}走る。 donna ni samukuteme kare wa mainichi nijū kiro hashiru ‘Как бы холодно ни было на улице, он пробегает 20 километров каждый день.’</p>
33.	<p>果物 <i>kudamono</i> ‘фрукт’ LHLL</p>	<p>どんな果物^{くだもの}が一番^{いちばん}好きですか。 donna kudamono ga ichiban suki desu ka ‘Какой Ваш любимый фрукт?’</p> <p>トマトは野菜^{やさい}で、果物^{くだもの}ではない。 tomato wa yasai de kudamono dewanai ‘Помидор – это овощ, а не фрукт.’</p> <p>あの店^{みせ}ではいろいろな果物^{くだもの}を売^うっている。 ano mise de wa iroiro na kudamono o utte iru ‘В том магазине продается много разных фруктов.’</p>
34.	<p>靴下 <i>kutsushita</i> ‘носок’ LHLL</p>	<p>その男^{おとこ}の子^こは靴下^{くつした}をはいたまま寝^ねた。 sono otoko no ko wa kutsushita o haita mama neta ‘Этот мальчик уснул в носках.’</p> <p>この靴下^{くつした}には穴^{あな}があいている。 kono kutsushita ni wa ana ga aite iru.</p>

		<p>kono kutsushita ni wa ana ga aite iru</p> <p>‘Эти носки дырявые.’</p> <p>靴下を買ったとおもっていた。</p> <p>kutsushita o katta too motte ita</p> <p>‘Я думал, что купил носки.’</p>
35.	<p>先生</p> <p><i>sensei</i></p> <p>‘учитель’</p> <p>LHHL</p>	<p>やました先生はハワイ大学システムの先生です。 / やました先生は <small>だいがく</small> <small>だいがく</small>ハワイ大学の先生です。</p> <p>amashita sensei wa hawai daigaku shisutemu no sensei desu / amashita sensei wa hawai daigaku no sensei desu</p> <p>‘Профессор Ямасита преподает в Гавайском университете.’ / ‘Профессор Ямасита преподает в Гавайском университете.’</p> <p>ぼくはジョン（ズ）先生に作文を直してもらった。</p> <p>boku wa jon(zu) sensei ni sakubun o naoshite moratta</p> <p>‘Учитель Джон(з) исправил мои ошибки в сочинении.’</p> <p><small>えき</small> <small>がっこう</small> 先生 <small>あ</small>で学校先生に会った。</p> <p>eki de gakkō no sensei ni atta</p> <p>‘Я встретил школьного учителя на станции.’</p>
36.	<p>一昨日</p> <p><i>ototoi</i></p> <p>‘позавчера’</p> <p>LHHL</p>	<p>一昨日成田に着きました。</p> <p>ototoi narita ni tsukimashita</p> <p>‘Я позавчера прилетел в [аэропорт] Нарита.’</p> <p>一昨日から（の）雨ですが、午後には晴れるでしょう。</p> <p>ototoi kara (no) ame desu ga gogo ni wa hareru deshō</p> <p>‘С позавчера идет дождь, но, наверно, после обеда распогодится.’</p> <p>私の友人達が一昨日遊びに来た。</p> <p>watashi no yūjintachi wa ototoi asobi ni kita</p> <p>‘Мои друзья пришли ко мне в гости позавчера.’</p>
37.	<p>一日</p> <p><i>ichinichi</i></p>	<p>その仕事を一日で終えるのは難しい。</p> <p>sono shigoto o ichinichi de oeru no wa muzukashii</p> <p>‘Эту работу сложно закончить за один день.’</p>

	<p>‘один день, целый день’ LNNH(L)</p>	<p>一日 ^{いちねん} ^{なが} ^か や一年の長さはほとんど変わらない。 ichinichi ya ichinen no nagasa wa hotondo kawaranai ‘Длина дня и года почти не меняется.’</p> <p>一日 ^{にじゅうよじかん} は二十四時間ある。 ichinichi wa nijū yoji kan aru ‘В сутках 24 часа.’</p>
38.	<p>半日 <i>hannichi</i> ‘полдня’ LNNH(L)</p>	<p>すみません。 半日 ^{はんいち} のツアーはありますか。 hannichi no tsuā wa arimasu ka ‘Скажите, пожалуйста, у Вас есть экскурсии на полдня?’</p> <p>^{とお} ^み ^{やま} 半日 ^い 遠くに見える山に 半日 で行ってしまうこともある。 tooku ni mieru yam ani hannichi de itte shimau koto mo aru ‘Бывает и такое, что на полдня уходишь в горы, виднеющиеся вдали.’</p> <p>^{がっこう} 学校は 半日 ですが、^{かえ} 帰ってくると ^{よる} ^ね 夜まで寝ている かん 感じです！ gakkō wa hanjitsu desu ga kaette kuru to yoru made nete iru kanji desu ‘[Складывается] такое ощущение, что он приходит после школы, которая всего на полдня, и спит до вечера!’</p>
39.	<p>日本語 <i>nihongo</i> ‘японский язык’ LNNH(H)</p>	<p>^{あした} 明日は 日本語 のクラスがありません。 ashita wa nihongo no kurasu ga arimasen ‘Завтра занятия по японскому языку не будет.’</p> <p>メアリーは ^{きのう} 昨日 日本語 ^{べんきょう} を勉強しませんでした。 mearī wa kinō nihongo o benkyō shimasen deshita ‘Мэри вчера не занималась японским языком.’</p> <p>^{がっこう} 学校では ^{えいご} 英語でも 日本語 ^{はな} でもどちらで話してもいいです。 gakkō de wa eigo de mo nihongo de mo dochira de hanashitemo ii desu ‘В школе можно говорить и на английском, и на японском языках.’</p>
40.	<p>学生 <i>gakusei</i> ‘студент’ LNNH(H)</p>	<p>しゅんは ^{とうきょうだいがく} 東京大学の 学生 です。 shun wa tōkyō daigaku no gakusei desu ‘Сюн – студент Токийского университета.’</p>

このクラスには中国語ちゅうごくごが読めるよ学生はほとんどいない。

kono kurasu ni wa chūgokugo ga yomeru gakusei wa hotondo inai

‘В этом классе почти никто не умеет читать по-китайски.’

ホールには学生がいっぱいだったが、その多くおお（の）は女子学生じょしがくせいだった。

hōru ni wa gakusei ga ippai datta ga sono ōku (no) wa joshi gakusei datta

‘В коридоре было много студентов, и большинство из них – девушки.’